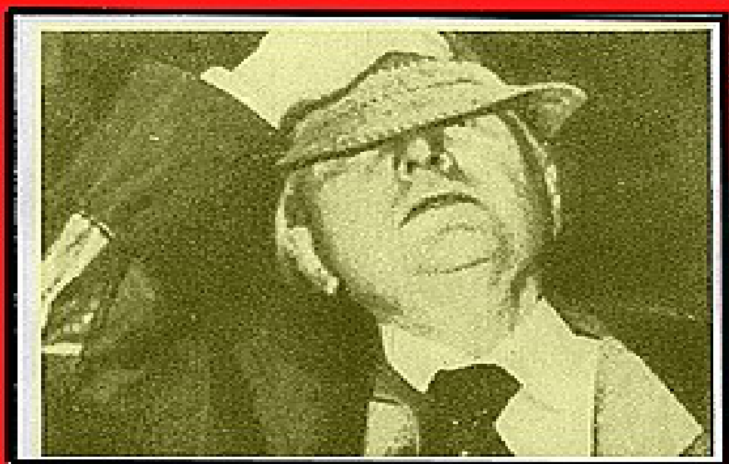

В. АНТОНЕНКО

На преступнике **СВАСТИКА**

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Автор книги — прокурор Львовской области, непосредственно участвовавший в оказании помощи голландским органам юстиции при расследовании преступной деятельности бывшего ээсовца, голландского миллионера Питера Ментена на временно оккупированной территории УССР в годы Великой Отечественной войны, — рассказывает о зверствах, совершенных военным преступником, о проведенном расследовании и судебном процессе по его делу. Автор показывает, что неотвратимость наказания нацистских преступников является требованием всего прогрессивного человечества.

Для широкого круга читателей.

- [Б. Т. Антоненко](#)
- [От автора](#)
- [Начало карьеры](#)
- [Свидетельствуют живые и мертвые](#)
- [Бегство Ментена](#)
- [Следствие продолжается](#)
- [Истинное лицо Ментена](#)
- [Ментен выкручивается](#)
- [Странные решения](#)
- [Новое судебное разбирательство](#)

Б. Т. Антоненко

На преступнике — свастика

От автора

Четыре года следственные органы Советского Союза, Польской Народной Республики и Нидерландов собирали материалы по делу нацистского военного преступника, голландского миллионера Питера Николааса Ментена. Допрошены были свидетели, обнаружены архивные документы, проведены соответствующие экспертизы, собраны неопровержимые доказательства его кровавых злодеяний в годы Великой Отечественной войны. Начало этой большой работы в Советском Союзе относится к 1976 году, когда Прокуратура СССР, оказывая правовую помощь органам юстиции Голландии, поручила прокуратуре Львовской области помочь голландским юристам провести расследование преступлений Ментена на Львовщине.

Мне, как прокурору области, пришлось непосредственно участвовать в расследовании дела о злодеяниях П. Ментена. Ведь именно на Львовщине вовремя оккупации ее фашистами Ментен чинил кровавые расправы над советскими людьми. На его совести сотни жертв — дети, женщины, мужчины, люди преклонного возраста. На людской крови нажил он миллионы. Уголовное дело Ментена — это одно из дел, раскрывших преступления фашистских палачей против человечности.

Дело П. Ментена рассматривалось в судах Голландии четырежды. Первый раз Амстердамский окружной суд признал Ментена виновным как военного преступника и осудил его к пятнадцати годам лишения свободы. Ментен обжаловал приговор, и Верховный суд Голландии по формальным обстоятельствам отменил приговор. Дело было направлено для рассмотрения в Гаагский окружной суд. Суд в Гааге оправдал Ментена и освободил его из-под стражи. По требованию общественности многих стран Европы, в том числе голландской, по протесту прокуратуры Верховный суд Голландии отменил оправдательный приговор и направил дело на рассмотрение в окружной суд в Роттердаме.

Сначала окружной суд Роттердама, рассматривая дело, вынес определение о его приостановлении на том основании, что Ментен якобы страдает заболеванием и не может правильно ориентироваться по существу предъявленного ему обвинения, не признав, однако, Ментена невменяемым. По протесту прокуратуры это определение было отменено. Роттердамский окружной суд летом 1980 года вновь рассмотрел дело и вынес обвинительный приговор П. Ментену — десять лет лишения

свободы и штраф 100 тысяч гульденов.

Начало карьеры

Поезд Роттердам — Варшава отходил вечером. На перроне было многолюдно. У мягкого вагона стояла вся семья Ментенов. Отец, мать, брат и жена провожали Питера, отбывавшего через Варшаву в далекую Галичину.

— Помни, Питер, — внушал отец, — ты едешь во Львов как представитель фирмы, однако не в том суть... Обживайся, но не забывай о Карпатах: там богатство — лес, в котором так нуждается Европа, нефть, газ... Теперь в те края понаедет немало людей с деньгами. Для начала хватит с тебя и ста тысяч долларов. А если понадобится еще — известишь! Жду, что возвратишься богачом.

— Все сделаю, отец! Вам не придется краснеть за меня. Берегите Элизабет.

Прощанье, поцелуи... И двадцатитрехлетний коммерсант — представитель одной из известных голландских фирм — вскочил на ступеньку тронувшегося уже вагона.

Поселки и города мелькали как в калейдоскопе. Питер всматривался вдаль. Воображение уже рисовало ему гористую местность, где деньги преумножаются без труда, потому что земные недра там богаты нефтью и газом, а горы покрыты прекрасными лесами. Обо всем этом рассказывал ему отец, который в поисках нефти побывал в Карпатах незадолго до первой мировой войны. Теперь, в 1923 году, старый Ментен жил в Роттердаме и был владельцем нескольких бумажных фабрик, которым требовалась древесина.

В купе заглянул проводник, предлагая кофе. Питер попросил чашечку и, смакуя душистый напиток, размышлял...

Остановившись ненадолго в Варшаве, Питер встретился с человеком, от которого получил адрес надежного пристанища во Львове.

На львовскую мостовую новоиспеченный коммерсант ступил в полдень. Оживленная привокзальная площадь ему понравилась. Великое множество лавочек, где продается всякая всячина. Однако сколько тут безработных! И не меньше воров и проституток.

В городе то и дело попадались навстречу молодые люди в зеленой военной форме, лишенной каких бы то ни было знаков различия. Это были петлюровцы, изгнанные с территории Советской Украины. Тут их содержали военные разведки буржуазной Польши и других империалистических государств. Они собирались кучками в многочисленных львовских скверах,

вспоминали сытую жизнь на своих хуторах и яростно грозились расправиться с большевиками.

К петлюровцам Ментен присматривался внимательно. Ему советовали завязать с ними знакомства. Да он и сам понимал: такие пригодятся. Опережая события, скажем, что спустя несколько лет он нашел общий язык с украинскими националистами.

Обосновавшись во Львове, Питер вызвал туда жену.

Время от времени фирма, которую Ментен представлял, напоминала ему о необходимости активизировать свою деятельность, заключать больше сделок. Интересы фирмы он понимал, но свои — ставил выше всего и деятельно искал случая вложить капитал в собственное предприятие, приобрести независимость.

Это же настоятельно рекомендовали ему сделать другие хозяева — немцы. Перед тем как двинуться в далекую дорогу, он не преминул побывать в немецком разведывательном центре, где, обращаясь к принявшему его господину, сказал:

— Мой план, господин майор, прост и надежен: в Польшу я приеду в роли представителя голландской торговой фирмы. Кое-какие связи у меня благодаря семье имеются...

— В целом ваш план приемлем, — согласился майор и добавил, указав поворотом головы на дверь в соседнюю комнату, — а вот оберлейтенант Пауль Остен разработает с вами детали.

В 1929 году Питер оставил работу в голландской фирме и начал ходатайствовать о получении польского подданства. В одном из архивов найдена регистрационная карточка, содержащая биографические сведения о Питере Николаасе Ментене, с приложенными к ней фотокарточками. Она была заполнена во Львове 13 марта 1929 года. Получив польское подданство, Ментен решил приобрести в Карпатах земельный участок и лес.

В начале осени он отправился из Львова в Сколе, к месту приобретаемого поместья.

Ментен ехал в дорожном экипаже, в котором восседал с видом заправского помещика, горделиво поглядывая на лежащие по пути усадьбы магнатов, вовсе не являвшиеся его, Ментена, собственностью.

— Пока! — вырвалось у него вслух.

— Простите? — переспросил нерасслышавший спутник.

— Нет, ничего. — Ментен улыбнулся своим мыслям. — Я хотел сказать, что когда едешь не в автомобиле, а как мы с вами сейчас, по старинке, в экипаже, гораздо больше замечаешь

вокруг.

Двигались не спеша. Все хлопоты остались позади, купчие с помещиком Пистенером и с окрестными лесовладельцами подписаны. Предстояло лишь выбрать место для господской усадьбы.

— Поселюсь, должно быть, в Сопоте, — говорил Ментен, то ли размышляя вслух, то ли желая услышать мнение своего спутника. — Все уверяют, что в окрестностях этого села уж очень красивые места.

— О, да! Вы останетесь довольны, герр Ментен.

— Почему «герр»? — укоризненно прервал собеседника Питер, — «пане Ментен»!

Собеседник, разумеется, не возражал. Этот Ментен действительно стал паном в здешних местах и немалым: как-никак, около четырех тысяч гектаров земли уже закупил.

За Николаевом остановились перекусить. Распили пузатую бутылочку рома и после недолгого отдыха поехали дальше. «Пан» Питер залюбовался открывающимся с небольшого холма видом.

— Раздолье-то какое!

От села Верхнее Синевидное дорога шла над быстрой горной речкой Стрый с кристально чистой водой. Осмотрели несколько сел — Подгородцы, Сопот, Урич. Одно краше другого! Выбор остановили, как заранее и предполагалось, на Сопоте.

— Место, действительно, прекрасное, — признал Питер. — В стороне, не на проезжей дороге, где все на виду.

Четыре тысячи гектаров были только началом. Вскоре Ментен проложил к своим лесным угодьям узкоколейку. Древесину по ней отправляли и в Голландию, и в Германию, и бог весть еще куда. Ментен постепенно стал одним из самых богатых в Польше землевладельцев. Многим владел он, но сам себе не принадлежал: не забывали о нем в немецком разведывательном центре.

Приведем несколько выдержек из свидетельства тех, кто знал в то время Ментена лично.

Рассказывает Мария Вульпель, жительница Катовицкого воеводства ПНР:

«С гражданином Питером Николаасом Ментеном из Голландии я познакомилась в 1924 году во Львове. У него был капитал — около двухсот тысяч долларов. Он интересовался приобретением леса и одновременно скупкой антикварных вещей. Потом он поселился в селе Сопот, вблизи Сколе. В 1939 году Ментен выехал в Краков. Знаю, что там он был управляющим антикварными магазинами. А последний раз видела его во Львове во время фашистской оккупации. Он говорил мне, что побывал в

Киеве».

Помещика Ментена и образ его жизни хорошо знали перед войной во всей округе.

Вот что сообщает Эмилия Вдовчина, служившая горничной в сопотском доме Ментена в 1938 году: «Ментен жил роскошно, и, хотя он жил в селе, далеко от центральной дороги, дом его всегда был полон гостей, в основном — приезжих немцев. Он часто давал балы, устраивал богатые приемы и охоту в карпатских лесах».

Дмитрий Якуца вспоминает: «Ментен жестоко эксплуатировал людей, которые на него работали. Порой не платил за работу ничего».

Когда Гитлер пришел к власти и развернул бешеную подготовку к войне, фашистам потребовалось бесчисленное количество агентуры. В ее списках Ментен оказался одним из первых.

В сентябре 1939 года польская контрразведка разоблачила и арестовала «пана» Ментена как немецкого резидента. Карпатскими видами пришлось ему любоваться сквозь решетку стрыйской тюрьмы. Но когда после вторжения гитлеровцев буржуазная Польша распалась, а Красная Армия в Стрый еще не вступила, украинские буржуазные националисты освободили его, и из Стрыя он исчез. Однако не бесследно. Уже под конец того же 1939 года Ментен объявился в оккупированном гитлеровцами Кракове. Представителю голландского правительства, краковскому консулу Линдарту де Бруну оккупанты чинили всяческие препятствия, а вот Ментена приняли с распростертыми объятиями. Более того, когда де Брун выехал, консульские обязанности оказались перепоручены именно Ментену.

Любопытная деталь: де Брун в бытность свою в Кракове являлся по совместительству директором фирмы «Ориза», собственниками которой были богатые евреи братья Вассерберги, чье имущество с приходом в Польшу немцев было конфисковано. Так вот, фирму «Ориза» возглавил после отъезда де Бруна тот же Ментен.

Свидетельствует Михаил Линка из Кракова, который прежде жил во Львове и был посредником в торговле Ментена предметами искусства:

«Спустя несколько месяцев после нападения гитлеровцев на Советский Союз я видел Ментена уже в военной форме СС: он выходил из собственной машины. Мне в одном из краковских салонов искусства говорили, что Ментен недавно вернулся из Львова».

Вот свидетельство краковского жителя Яна Пойдака, бывшего

шофера голландского консульства в Польше: «В беседах на политические темы во время поездок в машине, слышанных мной, Ментен превозносил гитлеровцев. Когда Муссолини вступил в войну на стороне Германии, Ментен говорил, что теперь война окончится быстрее, что немцы победят весь мир. Ментен был в хороших отношениях с гестапо, часто принимал гестаповцев у себя дома».

В то время когда тысячи голландцев боролись в отрядах Сопротивления с оккупантами, Ментен в форме наци расстреливал людей, грабил ценности на оккупированной территории, свободно разъезжал повсюду, где хозяйничали захватчики. Он устраивал рауты для высоких чинов гитлеровской разведки на вилле, принадлежавшей голландскому консульству в Кракове по улице Гротгера, 12. Он дарил гитлеровцам, точнее их женам, перстни с бриллиантами, золотые часы с уникальными швейцарскими механизмами, дорогие картины, награбленные в музеях. Под его наблюдение оккупанты отдали все краковские антикварные лавки, принадлежавшие евреям.

И всего этого казалось ему мало. Гитлеровцы в разговорах с ним откровенно намекали на то, что не за горами новая война, и Ментен ждал и желал ее. И когда 22 июня 1941 года гитлеровские орды вероломно напали на Советский Союз, в рядах оккупантов продвигался на восток и Ментен. Уже в форме офицера СС.

Свидетельствуют живые и мертвые

В то осеннее утро 1976 года наша автомашина продвигалась по шоссе из Львова на Стрый довольно медленно. Туман был таким густым, что водителю пришлось включить специальные фары. Но как только солнце поднялось повыше и набрало силу, мгла рассеялась, и машина пошла быстрее. Мы любовались изумительно красивым карпатским пейзажем, но все наши мысли были заняты другим.

Справа от шоссе вилась река Стрый, за ней — уже близкие — высились поросшие лесом взгорья и виднелась бурая полоса старой железнодорожной насыпи. Это по ней пролегал в свое время узкоколейка, по которой лесопромышленники Ментен и Пистенер непрерывным потоком гнали к железнодорожной станции ценную карпатскую древесину.

Кстати сказать, соседи Пистенер и Ментен, два хищника, стали врагами. Верх взял второй, более клыкастый.

Стрый, как все карпатские реки, весьма капризен, и мы в этом убедились. У села Подгородцы плотники восстанавливали мост, снесенный мощным потоком после сильного ливня в горах. Переправившись вброд, мы поднялись на высокий берег, где стоял полуразрушенный дом — следы усадьбы Пистенера.

Это страшное место: именно здесь, около пистенеровского дома, отряд палачей-фашистов учинил чудовищную расправу над мирными людьми. По данным следствия нам уже было известно, что двумя «акциями», 7 июля и 28 августа 1941 года, под непосредственным командованием Питера Николааса Ментена были расстреляны многие жители села Подгородцы: мужчины, женщины и дети — украинцы, поляки, евреи.

Мы прошли дальше, к памятнику жертвам фашизма. Земля вокруг обелиска была вскопана: по постановлению прокуратуры производилась эксгумация останков людей, погибших от рук нацистских военных преступников. Заместитель прокурора области Антон Андреевич Руденко и группа других работников прокуратуры, эксперты, следователи, судебные медики работали здесь уже несколько дней. Работали на холодном пронизывающем ветру, время от времени согревая озябшие руки у костра.

Карпатская земля сохранила и теперь открывала чудовищные злодеяния Ментена, то, что он хотел навсегда скрыть.

Теперь Ментен миллионер. В Голландии его капитал составлял более двухсот миллионов гульденов. А здесь, в Подгородцах, из украинской земли выкапывают вместе с пожелтевшими косточками почти совсем истлевшие женские

туфли, детские башмачки, колечки и медальоны, мелкие монеты, гребенки и другие вещи. Рядом — позеленевшие отстрелянные гильзы от немецких автоматов и карабинов, какими гитлеровцы вооружали своих подручных — оуновцев, полицаев из среды украинских буржуазных националистов.

Спустя десятки лет после войны оуновцы пытались доказать, что они, мол, и сами вели борьбу с гитлеровцами. Вещественные доказательства и свидетельства людей по этому делу, чудом оставшихся живыми, гильзы патронов от немецких карабинов, которыми были вооружены только полицаи, неопровержимо подтверждают наличие связей между нацистами и украинскими буржуазными националистами. Объединяли их не только общие бредовые идеи, но и общие преступления. Они сообща уничтожали мирных людей. Но об этом речь впереди.

Из могил были извлечены останки десятков жертв. На черепных костях, на костях грудной клетки и конечностей обнаружены следы пулевых ранений. Сохранились следы от ударов прикладами по голове. Такими ударами людей сваливали в яму еще живыми.

Судебные медики: заведующий кафедрой судебной медицины Львовского медицинского института Владимир Михайлович Зеленгуров, заслуженный врач республики Клавдия Ивановна Тищенко и Владимир Николаевич Нартиков — подолгу внимательно исследовали каждую кость, сопоставляли, определяли принадлежность ее к определенному скелету. Трудная задача. Как-никак, тридцать пять лет прошло.

Мне довелось видеть сотни погибших на фронте, быть очевидцем многих злодеяний, чинившихся фашистами на оккупированной советской земле. Но увиденное и пережитое тогда, при эксгумации в Подгородцах, передать очень тяжело.

Владимир Михайлович показал мне окаменевший мозг, принадлежавший молодому человеку: мыслившему, строившему планы на будущее, мечтавшему и... зверски убитому по приказу Питера Ментена. Этот знаток искусств, кичившийся принадлежностью к европейской культуре, сам хладнокровно командовал расстрелом. Эстет-палач?!

— Неужели такое могли сделать люди? — воскликнул кто-то рядом со мной. — Это же не люди — звери!

— Нет, не звери, — ответил один из экспертов. — Сытый зверь не тронет...

На полиэтиленовой пленке-дорожке были разложены скелеты, части трупов, отдельные кости. Прокурор-криминалист Юрий Седов и молодой техник-криминалист Валерий Макаренко все записывали в протокол и фотографировали; последний очень

волновался: он впервые видел такое варварство. В могильных ямах были найдены останки мужчин, женщин и детей, расстрелянных и даже закопанных еще живыми по приказу Питера Ментена.

Десять дней детально, с чувством ответственности перед историей, нынешним поколением людей специалисты собирали доказательства расправы, учиненной фашистскими оккупантами над мирными жителями карпатского села.

Обратимся к судебно-медицинскому заключению по обнаруженным останкам трупов при эксгумации.

«Останки эксгумированных трупов принадлежат двадцати девяти женщинам и двадцати трем мужчинам. В десяти случаях пол не установлен, так как останки принадлежали детям и подросткам от двух до восемнадцати лет, а также вследствие нехватки соответствующих частей скелетов эксгумированных трупов.

На основании исследований останков эксгумированных трупов следует полагать, что они принадлежали людям в возрасте от двух до шестидесяти и более лет.

Судя по состоянию останков, а также учитывая данные материалов дела, следует полагать, что от момента смерти до момента исследования эксгумированных трупов прошло около тридцати пяти лет.

В пятидесяти четырех случаях при исследовании эксгумированных трупов были выявлены многоосколочные переломы костей черепов, а в одиннадцати — на костях черепов были выявлены дырчатые переломы, представлявшие собой огнестрельные повреждения. Учитывая их локализацию и характер, следует считать, что причиной смерти пятидесяти четырех человек явилась травма головы, в том числе в одиннадцати случаях вследствие огнестрельных пулевых ранений. Многоосколочные переломы костей черепа могли возникнуть также и от огнестрельных ранений, однако из-за дефекта костей черепа выявить их не было возможности. В восьми случаях определить характер и локализацию повреждений не удалось из-за отсутствия всех частей скелетов, были найдены лишь отдельные их части, сопоставить которые невозможно.

Как отмечено выше, в пятидесяти четырех случаях были выявлены крупные переломы костей черепа, из них в одиннадцати случаях — входные огнестрельные повреждения в затылочной и теменной костях, а также и выходные — в лобовой кости. На основании этих данных следует полагать, что выстрелы в погибших производились в тот момент, когда они были повернуты спиной к тому, кто стрелял.

Формы и размеры огнестрельных повреждений костей дают основание полагать, что все они были пулевые, а в двух случаях смерть наступила вследствие травмы головы».

Таковы объективные доказательства расстрела людей.

Как же происходила эта расправа? Кто именно чинил ее? Об этом свидетельствуют живые — немногие уцелевшие.

7 июля 1941 года. Вершина лета. По народной традиции ее отмечает праздник Ивана Купалы. В канун праздника жгут на лугу костры, в чаще леса ищут сказочный цветок папоротника, у реки девушки плетут и бросают в воду веночки — гадают о счастье, о суженых...

В том году, первом из тяжелых лет оккупации, было, разумеется, не до папоротникового цвета. Но древняя традиция напоминает о себе всякий год, а в тяжелый — даже сильнее. Молодежь не собралась веселой толпой за селом водить хороводы, и старые и малые сидели по домам. Кое-кто решился пойти в церковь, приодевшись в праздничное, не зная, что день Ивана Купалы станет для подгородцев страшным днем.

Неожиданно на улицах села появились полицаи. Они стучали в ворота, в двери хат, приказывали тотчас же собираться всем у пистенеровского дома. Кто не шел — выволакивали на улицу и под дулами карабинов гнали на пригорок, к месту сбора.

Гонимые шли целыми семьями — отцы, матери, дети. Мужчины в киптариках — карпатских безрукавках — и вышитых сорочках, женщины в нарядных платьях, в наброшенных на плечи веселых цветастых платках. Но на лицах у всех было недоумение и страх. Предчувствовали недоброе. Некоторые женщины плакали. Кто-то о чем-то предупреждал, кто-то советовал, но в голосах звучала растерянность.

— Куда ведут, Володя? Зачем? — кричала вдогонку пожилая женщина, мать комсомольца Владимира Пистоляка.

— Не знаю, ничего не знаю, мама!

Конвоируемую толпу обогнала военная машина с фашистами — солдатами и двумя офицерами. Она остановилась у дома Пистенера.

Согнанные туда люди узнали в одном из прибывших офицеров-эсэсовцев бывшего здешнего лесопромышленника Питера Ментена. Солдаты в гитлеровской форме с автоматами наперевес стояли поодаль. На пригорке сгрудившаяся толпа селян оказалась окруженной цепью полицаев с карабинами. Комендант полиции Филипп Миллер, предатель из числа местных жителей, юлил возле офицеров.

Ментен не спеша обвел толпу своими бесцветными глазами. И взгляд его словно говорил — Теперь вы узнаете, кто я такой.

Эти мысленно произнесенные Ментеном слова — не домысел автора. Сам Ментен впоследствии рассказывал своему шоферу об «акции» в Подгородцах, трактуя расправу как героическое деяние арийца. Он нисколько не сомневался, что вправе покарать мученической смертью тех, кто, как он говорил, участвовал в распределении его земли между крестьянами после воссоединения западных украинских земель с Советской Украиной, казнить тех, кто протестовал против незаконных штрафов, налагавшихся паном лесопромышленником, тех, кто отстаивал честь и достоинство человека.

Знакомясь с происшедшим в Подгородцах, я вспомнил эпизод, которому был свидетелем в детстве. В 1918 году в моем родном селе Каплуновке, расположенном на стыке Харьковской, Полтавской и Сумской областей, немецкие солдаты и пресмыкавшийся перед ними гетманец также согнали селян и объявили, что за разгром в 1917 году помещичьей усадьбы Харитоненко налагается контрибуция на каплуновских крестьян в сумме трех миллионов рублей золотом. Ни более, ни менее!

Гетманец, будущий оуновец, переводил рывканье кайзеровского фельдфебеля, будущего фашиста:

— Его благородие господин германский офицер говорит, чтобы вы к исходу пятого часа вечера сего дня внесли три миллиона рублей золотом. Если не внесете — висеть вам всем на столбах, как тряпкам. Понятно?

Селяне разошлись по домам молча. Дед мой Филипп Сергеевич сидел мрачный: откуда же в селе насобирать такую сказочную сумму, да еще золотом?!

К счастью, Красная Армия выбила оккупантов как раз перед истечением срока фельдфебельского ультиматума.

Для крестьян-подгородцев все это повторилось, но кончилось самым страшным. День освобождения был еще не близко.

Очевидцы рассказывают, что яма, в которую падали убитые, была примерно пяти метров в длину и двух с половиной — в ширину. Возле нее прохаживался с тростью в руке Ментен. По данному им знаку к яме, через которую была переброшена доска, подведен был Владимир Пистоляк. Полицай подталкивал его карабином. Юноша встал лицом к убийцам, гордо подняв голову. Старушка-мать Пистоляка бросилась к ногам Ментена, моля не убивать сына. Владимир молчал.

О чем думал в эту минуту сельский парнишка, который вместе с другими активистами в 1939 году участвовал в разделе господских земель, боролся за новую жизнь, мы не знаем. Мы знаем только, что Володя хотел учиться и быть учителем. Мечта его не сбылась. Ментен взмахнул рукой. Треск автоматной

очереди. И Владимир упал в могильную яму. Палачи даже не проверили, мертв ли он. Многие были зарыты еще живыми. Земля, которой засыпали яму, шевелилась, кровь проступала на поверхность.

Свидетельствует житель села Подгородцы Григорий Андрейко. В ту пору ему было сорок два года:

«...Я пас корову и услышал от односельчан, что в село приехал Ментен с фашистами и что полицаи сгоняют к пистенеровскому дому сельских активистов и евреев. Меня заинтересовало, что же они будут делать с людьми?

У дома Пистенера я увидел двух офицеров в немецкой форме: один из них был бывший помещик Ментен, а рядом стоял комендант полиции Миллер. Потом по сигналу Ментена прозвучала автоматная очередь и начался расстрел. Среди расстрелянных были: Пистоляк Владимир, Старжинский Петр, Степан Альфред, семья Новицких и еще около тридцати человек».

Свидетельствует Иван Герак:

«В 1936–1938 годах я работал у помещика Пистенера в селе Подгородцы. В селе Сопот жил помещик Питер Ментен, владевший многими земельными угодьями и лесами. Между Ментеном и Пистенером часто возникали споры из-за земли, доходившие до судебных тяжб. Ментена затем арестовали польские власти...

7 июля 1941 года в село приехали фашисты, и кто-то из односельчан сказал, что гитлеровцы будут расстреливать людей. Пошел я к дому Пистенера, Увидел толпу во дворе. И тут же — яму. Около нее стояли два офицера и комендант полиции Миллер, а рядом — немецкие солдаты и полицаи. В одном из офицеров я узнал бывшего помещика Питера Ментена. Через несколько минут по команде Ментена из дома Пистенера начали выводить к яме многих наших односельчан. Полицаи вели их, толкая прикладами карабинов. На моих глазах по команде Ментена были расстреляны Владимир Пистоляк, Альфред Степан, Петр Старжинский, Алексей Новицкий и его жена Бронислава, а также мужчины-евреи: Ляста, Феваль, Эйзик, Хомуш, Пинькас, Бенц, Майлик, Нейман и многие другие. В тот день фашисты убили около тридцати человек. Из этой страшной картины мне навсегда запомнилось, как Петр Старжинский у ямы крикнул Ментену и Миллеру: «Спасите меня, в чем я виноват?» Питер Ментен взмахнул рукой, последовала автоматная очередь, и Старжинский упал в яму. После Старжинского подвели к яме Алексея Новицкого и его родственника Альфреда Степанам...

Петр Старжинский и другие его односельчане, чьи имена упоминает очевидец расправы с ними, были сельскими

активистами. В 1939 году участвовали в разделе земли помещиков. Алексей Новицкий, работая управляющим и лесничим у Ментена, не скрывал своих антифашистских настроений и однажды обругал Гитлера. Да и о своем работодателе Ментене, уволившем его, не расплатившись, Новицкий отзывался не очень уважительно. Знал он и о том, что Ментен — резидент фашистской разведки.

В 1937 году Ментен попытался обвинить Новицкого в поджоге лесничества. В архиве обнаружено извещение прокуратуры при Стрыйском окружном суде о том, что против Алексея Новицкого ведется следствие. Обстоятельства дела стали достоянием общественности, которая была на стороне Новицкого. Тогда ловкач Ментен сделал выгодное отступление: отказался от обвинения Новицкого, взял из той же прокуратуры справку, что возглавляемая им, Ментеном, фирма не причастна к пожару и даже получил на основании этого страховую премию. Но Новицкий и его шурин Альфред Степан, слишком много знавшие о Ментене, стали его врагами, от которых нужно было поскорее избавиться.

Еще один отрывок из свидетельских показаний Герака:

«...Питер Ментен подошел к Новицкому и несколько раз ударил его по голове тростью. В это время Бронислава, жена Алексея, бросилась к Ментену, умоляя его не расстреливать мужа. Ментен презрительно взглянул на Новицкую, оттолкнул ее ногой и дал знак фашисту стрелять. В отчаянии Новицкая подбежала к мужу, обняла его и крикнула: «Стреляй!» Раздались выстрелы, Новицкий и Степан упали в яму, а Новицкая схватилась руками за живот и словно замерла от боли. Фашист повесил автомат на плечо, подошел к Брониславе, ударил ее ногой, и она упала в яму».

Нейману ударом ноги Ментен разбил лицо. Окровавленного его тут же пристрелили.

Обстоятельства расправы Ментена над жителями села Подгородцы подтвердили очевидцы: Иван Григорьевич Швед, Эмилия Ивановна Вдовчина, Николай Лукьянович Кирчей, Каролина Николаевна Шемеляк и многие другие.

Жители Подгородцев рассказывали, что в ночь на 8 июля 1941 года из дома коменданта полиции Миллера раздавались пьяные голоса. Надрываясь, «победители» — среди них и Питер Ментен — отмечали расправу над людьми. Утром гитлеровцы уехали во Львов.

28 августа 1941 года — дата второй «акции» Ментена, когда под его началом был произведен еще один массовый расстрел в Подгородцах.

Свидетельствует Иван Якуца:

«В конце августа в село еще раз приехали фашисты, которыми командовал Ментен, и снова согнали к дому Пистенера более сорока человек — женщин и детей еврейских семейств и расстреляли их».

Очевидцами этого расстрела были Дмитрий Ключах и Каролина Тузимек, ныне гражданка Польской Народной Республики. Она рассказывает:

«Я видела, как по указанию Ментена расстреливали людей в Подгородцах, где я тогда жила. Экзекуция продолжалась более часа. Ментену тогда было около тридцати пяти лет. Одет он был в фашистский мундир».

По словам подгородчан, у них создалось поначалу представление, будто Ментен, истребляя евреев, убивает только мужчин, а женщин и детей не трогает, поскольку 7 июля из еврейских семей были расстреляны в основном мужчины.

На суде миллионер Питер Ментен, гражданин Нидерландов, категорически отрицал, что бывал во Львове и Львовской области, что жил в селе Сопот, что принимал участие в расстреле советских людей.

Что ж, опасные преступники редко признают себя виновными в своих преступлениях, даже если были схвачены с поличным.

Отчего гитлеровцы так благоволили к Ментену? Оттого, что он был богат? Не только. Ментен был их человеком, служил им верой и правдой, да и сам вел себя как захватчик. На службе у фашистской разведки он, должно быть, имел заслуги перед «фатерландом»: недаром его допускали к рейхсфюреру Гиммлеру, одному из заправил фашистской Германии.

Гитлеровцы разрешили Питеру Ментену занять в Кракове виллу голландского консула. Ментен был вхож и в дом палача Польши — Франка.

Гестапо охотно шло Ментену навстречу, выдавая ему пропуска на поездки в Киев, Варшаву, Париж, Амстердам и другие оккупированные в то время города.

Варшавянин Тадеуш Подгородецкий в 1941 и 1942 годах был личным шофером у Ментена. Он рассказывает:

«Питера Ментена знаю с 1929 года. Снова встретил его осенью 1941 года во Львове, у отеля «Жорж» (теперь гостиница «Интурист». — Б. А.). У него была машина «шевроле», и он предложил работать у него шофером. Я согласился. Ментен занял во Львове квартиру по улице Романовича, 5. Отсюда он вывез ковры и другие дорогие вещи, и мы вернулись в Краков, где сложили все в квартире Ментена по улице Гротгера (бывшая вилла голландского консула. — Б: Д.). Через некоторое время

снова поехали во Львов на его же автомашине «опель-адмирал» с двухколесным прицепом. Несколько раз мы курсировали туда и обратно, возили в Краков разные вещи: ковры, картины, золотые монеты, которые Ментен скрывал от гитлеровцев. Жил тогда он в Кракове и частенько устраивал приемы. На них бывали майор СС Кипка, Розенбаум, который позднее стал комендантом полицейской школы, полковник Шварцвайде и другие.

Во время одной нашей поездки Ментен рассказывал, что принимал участие в убийстве семьи Пистенера и других евреев в селе Подгородцы, что расстрелял тогда же своего довоенного управляющего Новицкого, его жену и шурина, что долго разыскивал старого Пистенера и нашел-таки...

Однажды жена Ментена сказала мне, что майор Кипка работает в разведке. Ментен потребовал, чтобы я доносил Кипке о настроениях поляков и о их намерениях против немцев, если что-нибудь станет мне известно, но я от этого уклонился.

Однажды мы с Ментеном и еще с одним офицером СС поехали в Киев. Ментен выступал тогда в роли знатока произведений искусства; и там забрали много ценностей. Когда мы возвращались из Киева, среди вещей Ментена находилась чрезвычайно ценная виолончель, которую он приказал тщательно упаковать...

Почти еженедельно зимой 1941–1942 годов я ездил с Ментеном во Львов и обратно, в Краков.

В марте сорок второго мы ездили в Ригу. Там Ментен встретился с одним из командиров войск СС. Оттуда в Краков мы привезли много шуб и картин. Очень дорогую меховую шубу Ментен подарил Шенгарту, занимавшему высокий пост в войсках СС.

В апреле сорок второго года мы приехали во Львов. После встреч со многими эсэсовцами Ментен приказал возвращаться в Краков. Он был очень взволнован и спешил. Тогда Ментен забрал из своей львовской квартиры все вещи, даже постель: он чего-то боялся. Возвращались мы другой дорогой, не как обычно. Я слышал, как Ментен рассказывал жене, что во Львове были у него затруднения, ему кто-то угрожал. Он говорил: «Это, должно быть, Кальтенбруннер напакостил мне». После того во Львов мы больше не ездили.

Спустя некоторое время я завез Ментена в резиденцию гестапо в Кракове. Оттуда он вышел через два часа и сказал, что поедет в Брюссель.

Мы побывали в Брюсселе, Берлине, Голландии. Потом заехали в Париж, где жил Дирк Ментен, брат Питера. Дирк Ментен устроил в Париже большой прием, и я там выполнял роль

официанта. Гостями были только гитлеровцы.

В Краков мы возвратились в июле 1942 года. А через некоторое время должны были снова выехать в Голландию.

Однажды я отвез Ментена в дом гестапо в Кракове. Через несколько часов увидел, что его оттуда вывели и посадили в автомашину. Я поехал следом. Ментена завезли в какой-то дом, а я поехал уведомить его жену. Она позвонила майору Кипке. Кипка приехал тотчас и предъявил мне претензию, почему я не известил его сразу же.

В квартире Ментена офицеры гестапо устроили засаду, несколько дней кого-то там подстерегали.

Потом я узнал, что Ментена освободили.

Вскоре после его ареста гестаповцы арестовали и меня. Сидел я под арестом шесть недель, на допросах расспрашивали про Ментена. Наконец ко мне в камеру пришел Кипка и освободил.

Больше я с Питером Ментеном не встречался. Он выехал на Запад, забрав несколько вагонов всякого добра. Из Кракова вывез золото и всяческие ценности.

Я слышал, что у Ментена был конфликт с людьми Кальтенбруннера, скупавшими (грабившими. — Б. А.) для этого убийцы драгоценные вещи на оккупированной территории».

В 1942 году Ментен вывез из Кракова в свое родовое имение в Голландии произведения искусства и другие ценности, всего четыре вагона, что привело в раздражение еще более крупных хищников, чем он сам. Шеф СД Кальтенбруннер посадил его под арест и даже велось следствие, но все окончилось для Ментена благополучно.

Бегство Ментена

В конце октября 1976 года, незадолго до окончания проводившейся в Подгородцах эксгумации могил, к месту раскопок подъехала машина. Из нее вышли двое. Один — налегке, другой — весь обвешан фото- и киноаппаратами, с магнитофоном в руке. Это были редактор влиятельного нидерландского журнала «Акцент» Ханс Кнооп, второй — фотокорреспондент того же журнала Денонг Аугустус.

Фамилия Кнооп была мне знакома. Он уже несколько раз выступал у себя на родине со статьями, разоблачающими Ментена как убийцу. Теперь этот журналист, не пожалев ни времени, ни средств, прибыл за тысячи километров от своей родины в карпатское село, чтобы увидеть вещественные доказательства вины Ментена.

Предупредив Кноопа, что следствие еще не закончено, мы дали ему и Аугустусу возможность непосредственно узнать все, что их интересовало. Они фотографировали останки трупов, записали на магнитную пленку свидетельства очевидцев трагических событий 1941 года.

К тому времени в самой Голландии ширилось возмущение общественности, что убийца спокойно живет в своей роскошной вилле, оставаясь безнаказанным. Это не могло не заинтересовать и прессу. В прокуратуру Львовской области звонили из Амстердама, из редакции газеты «Де Ваархейд», органа Коммунистической партии Нидерландов, интересуясь ходом следствия по делу Ментена. На протяжении четырех лет судебных разбирательств эта газета систематически публиковала статьи, разоблачающие этого военного преступника.

Кнооп рассказал нам о том, что в Голландии издано много листовок с портретом Ментена в форме гитлеровского офицера и с надписью «Рядом с вами живет эсэсовский убийца», что в парламенте следуют один за другим запросы депутатов, почему Ментен не привлечен к уголовной ответственности.

После отъезда Х. Кноопа на родину советский журналист Владимир Молчанов, одним из первых рассказавший в советской прессе правду о Ментене и живо интересующийся ходом дела, сообщил мне, что Кнооп уже побывал в министерстве юстиции Нидерландов и настаивал на немедленном аресте Ментена. Кноопу ответили, что арест Ментена предрешен, и просили пока не публиковать новых данных, привезенных из Подгородцев, чтобы не спугнуть преступника. В то же время власти Нидерландов обратились в Министерство иностранных дел СССР

с просьбой разрешить представителям голландских следственных органов выехать к нам для участия в совместном расследовании дела Ментена и ознакомления с документами во Львове. Это разрешение было дано.

11 ноября Кнооп снова обратился в министерство юстиции Нидерландов, ответственный работник которого подтвердил, что ордер на арест Ментена должен быть подписан в ближайшие дни, и повторил просьбу к Кноопу пока хранить молчание.

Но у миллионера Ментена имелись свои информаторы. Буквально накануне предстоящего ареста, 14 ноября 1976 года, он исчез, бежал из Нидерландов вместе со своей второй женой Метой. С его деньгами замести следы было нетрудно. Казалось, полиция бессильна разыскать преступника.

Голландская полиция не нашла Ментена. Он как в воду канул. А «Интерпол» не стал искать виновника массовых расстрелов мирных жителей на оккупированной в годы войны территории Советского Союза и Польши.

Убийцу обнаружил в небольшом швейцарском городке в двадцати километрах от Цюриха один журналист — сосед Ментена по гостинице и сразу сообщил полиции: швейцарской и нидерландской. Ментен был арестован.

Редакция газеты «Де Ваархейд» сразу поместила статью с подробностями ареста Ментена: «...Ментен, лишь слегка изменивший свою фамилию на Минтон, так был уверен в своей недостижимости по соседству с сейфами швейцарских банков, что явно с чувством обиды заявил пришедшим за ним полицейским: «Меня же здесь не должны были разыскивать!» Комментируя арест фашистского палача, член парламента от Коммунистической партии Нидерландов Иоганнес Вольф говорил: «Ментен арестован, но остается непонятным, как удалось ему избежать ареста в Голландии и почему его в конце концов разыскивали не полицейские, а журналисты и частные лица?»

Прокуратура СССР передала в Голландию собранные на Львовщине материалы. Доказательства явились настолько убедительными, что по представлении их швейцарским властям и по требованию о выдаче преступника те сразу же выдали П. Ментена Голландии.

31 октября 1976 года в Подгородцах в присутствии тысяч людей со всей округи состоялось перезахоронение останков тех, кто погиб здесь от руки палача летом 1941 года.

Траурная процессия направляется к центру села. Звучат траурные марши, советские люди отдают последние почести погибшим. Один за другим поднимаются на трибуну траурного

митинга подгородчане, в их числе родственники погибших. Прерывисты от волнения речи, в них оживают страшные картины тридцатипятилетней давности.

Проклял имя Ментена крестьянин из Подгородцев, очевидец расправы Илья Михайлович Савуляк. За Савуляком выступил учитель Мирон Гнатович Павлишин:

— Шестнадцать лет жил в наших краях ипил кровь трудового народа Ментен. Но и этого ему было мало. Он убил многих детей, женщин, мужчин, мученически убил и моего брата Петра. Я до сих пор помню крик женщин и протянутые руки детей. Погибшие молчат, но мы, живые, покуда светит солнце, покуда стоят Карпаты, сроков давности этих преступлений не признаем! Правосудие должно свершиться!

Выступает брат Владимира Пистоляка Ярослав Михайлович Пистоляк:

— Володя любил жизнь, мечтал стать учителем. К нему тянулись дети. Глаза нашей матери, пока она была жива, не просыхали от слез... Мы, советские люди, не можем простить Ментену и головорезам-бандеровцам их преступлений и требуем справедливого наказания.

Иосиф Иванович Дорошевич зачитал обращение крестьян села Подгородцы к правительству Голландии: участники траурного митинга просили привлечь к уголовной ответственности Питера Николааса Ментена за злодеяния, совершенные во время Великой Отечественной войны на территории села Подгородцы.

Следствие продолжается

В феврале 1977 года в Советский Союз прибыла группа голландских юристов во главе с вице-президентом Амстердамского окружного суда ван Дюреном. В составе делегации были прокурор Амстердама Хабермел, комиссар королевской полиции Петерс, старший инспектор полиции Пастеркамп и переводчики Федер и Фокер. Сопровождал делегацию представитель посольства Нидерландов в Москве Норбут.

Вместе с голландскими юристами мы выезжали на места событий, где в 1941 году Питер Ментен чинил суд и расправу над советскими людьми. Допрашивались свидетели — очевидцы кровавых событий в селе Подгородцы. Из их показаний следовало, что этими расстрелами командовал зондерфюрер СС, голландский гражданин П. Ментен. Тогда в Подгородцах было расстреляно почти семьдесят советских граждан, в том числе старики, женщины, дети. Ментен обвинялся также в том, что похитил в нашей стране произведения искусства. Из Киева, Львова, Риги он вывез их в Краков, а оттуда в свое имение в Голландии.

Здесь необходимо сказать о некоторых особенностях расследования дел о военных преступниках на Западе. Во время судебных процессов над фашистами, расстреливавшими мирных граждан на оккупированных территориях, иногда следуют заявления, что виновны, мол, лишь руководители гитлеровской Германии, а не те, кто выполнял их приказы. Когда же перед судом предстал миллионер-фашист, который сам давал приказания, кого расстреливать, некоторые зарубежные журналисты и даже юристы твердили: «Ментен сам не расстреливал, стреляли другие — эсэсовцы, полицаи, а он только командовал».

На такого рода вопрос одного из голландских журналистов я ответил так:

— Ментен сам не стрелял, но он составлял вместе с начальником полиции список жертв, давал указания, кого задержать и доставить к месту казни, кого расстрелять. Ментен был организатором, руководителем и исполнителем массовых расстрелов. Значит, он должен нести полностью ответственность, как и находившиеся в его подчинении эсэсовцы, исполнявшие его приказ.

Журналисты, особенно голландские (а их за время следствия побывало у нас несколько групп), неизменно спрашивали одно и

то же: «Почему советский прокурор еще до суда обвиняет П. Ментена в злодеянии?» Журналистам я ответил: «Во-первых, советский прокурор может и обязан обвинить любого преступника, если материалами следствия вина уже доказана. Питер Ментен исключения не составляет. А окончательное слово — приговор — это уже право суда. Кроме того, советский прокурор может высказывать свое мнение и как гражданин».

Кое-кому на Западе, видимо, хотелось, чтобы на следствие, проведенное безукоризненно, была брошена тень, оставляющая место для сомнения в виновности Ментена.

Вспоминаю в этой связи обращенный ко мне вопрос одного из журналистов:

— Отчего свидетельства очевидцев звучат стандартно?

Разговор велся в присутствии нескольких человек. Мы сидели вокруг стола, на котором оказался один-единственный предмет — стакан с водой. Я сказал:

— Спросите по очереди каждого из нас, «что стоит на столе?» Не прозвучат ли ответы каждого почти одинаково, то есть, по-вашему, стандартно? В памяти же очевидцев отчетливо запечатлелась картина расстрела, и они почти одинаково рассказывают.

Этот журналист, наслушавшийся клеветы на советские органы правосудия, даже расспрашивал у свидетелей, не провел ли прокурор области Антоненко предварительной беседы с ними до вызова их на официальный допрос.

С нашей стороны в рабочую следственную группу входили заместитель прокурора области старший советник юстиции А. Руденко и старший помощник прокурора области советник юстиции В. Дорош. Практическую помощь в организации расследования оказывали прокурор отдела Прокуратуры СССР старший советник юстиции Н. Жуков, прокурор отдела Прокуратуры СССР Н. Колесникова и начальник отдела Прокуратуры УССР старший советник юстиции В. Лесной.

Голландские юристы получили для ознакомления все протоколы ранее допрошенных очевидцев преступлений Ментена, уточнили свидетельства тех, кто был ими допрошен в других странах, в частности в США, Швеции и Польше. При выезде на место они проверяли эти показания, изучали местность. В ходе следственных действий рабочая группа побывала не только в Подгородцах, но и в Уриче и Сопоте. Советские юристы, уполномоченные Генеральным прокурором СССР, провели расследование преступлений Ментена в присутствии представителей органов юстиции Голландии, которым была предоставлена полная возможность в рамках советского

законодательства выяснить у свидетелей все интересующие их вопросы по делу, присутствовать при проведении эксгумаций, осмотре места расстрелов людей.

Во время пребывания голландских юристов во Львове комиссар полиции Петере передал нам копии некоторых секретных документов из бывшей канцелярии Гиммлера. Эти документы свидетельствовали, что о Ментене заботился и сам рейхсфюрер Гиммлер и другие лица из правящей верхушки гитлеровской Германии. Эти документы еще раз подтвердили, что в государственном аппарате фашистов царило моральное разложение, коррупция.

В Кракове Ментен чуть ли не каждую ночь устраивал пьяные оргии с высокопоставленными офицерами гестапо. Слухи об этом дошли до Гиммлера, который и распорядился выдворить Ментена и его жену из тогдашнего Польского генерал-губернаторства. Суть дела заключалась, впрочем, вовсе не в пьянках, а в том, что Ментен, беззастенчиво используя подкуп, держал в своих руках гестаповцев Кракова и те безотказно выдавали ему визы на поездки в любую из столиц оккупированных Германией государств. И это в военное-то время.

Собрав большое количество материалов в отношении Ментена, голландские юристы выехали на родину. Нам уже тогда было известно, что Ментен совершил массовые расстрелы советских граждан не только в Подгородцах, но и на окраине села Урич, где были уничтожены около двухсот советских граждан. Документы об этом тоже были представлены голландцам. Те, однако, решили, что для судебной ответственности Ментена достаточно материалов, собранных в Подгородцах, поэтому от проведения дополнительной эксгумации трупов на окраине Урича они отказались.

Истинное лицо Ментена

Передо мной две фотографии. На одной — самодовольный детина в форме офицера гитлеровского вермахта, на другой — человек средних лет, четырехугольная сытая, гладкая физиономия, узкие глазки, наглый взгляд. Тридцать пять лет разделяют эти два снимка одного и того же лица. «Де Ваархейд» поместила эти снимки в номере от 5 апреля 1977 года. На них — Оберлендер, бывший министр ФРГ в правительстве Аденауэра — Штрауса, военный преступник, фашист, руки которого обгарены кровью советских людей. Почему его изображение снова попало на страницы прессы?

Дело в том, что, когда в особой палате Амстердамского окружного суда было начато рассмотрение дела Ментена, он и его адвокат Хейнинген выставили, ни много ни мало, восемьдесят одного свидетеля защиты, в их числе Оберлендера и других бывших «маленьких фюреров» гитлеровской Германии. Вот уж поистине подобралась компания!

Оберлендер был политическим руководителем карательного батальона «Нахтигаль», вступившего во Львов вслед за передовыми частями гитлеровской армии в конце июня 1941 года. В ночь с 3 на 4 июля каратели расправились со многими львовянами, были убиты такие известные ученые, как Бартель, Цешинский, Островский, Ломницкий, Грек и другие. Все они вместе с семьями были расстреляны на Вулецких холмах.

Оберлендер, старый наци, пользовался полным доверием верхушки третьего рейха. В 1934 году заместитель фюрера Гесс лично назначил его руководителем «Союза немцев Востока». Позднее он был сотрудником абвера (военной разведки) и в качестве «специалиста по Востоку» проводил шпионско-террористическую деятельность против Советского Союза и других стран Восточной Европы.

Прокуратура Львовской области в послевоенные годы занималась расследованием дела о злодеяниях батальона «Нахтигаль». Было установлено, что уже в самые первые дни оккупации Львова гитлеровцы расстреливали и зверски убивали мирных жителей не только в самом Львове, но и в окрестных городах и поселках, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков.

Осенью 1941 года Оберлендер был назначен командиром батальона «Бергманн», чинившего массовые расстрелы на Северном Кавказе. В октябре 1942 года Оберлендер собственноручно расстрелял в камере пятигорской тюрьмы пятнадцать советских граждан. По его приказу в станице

Славянской были убиты тридцать военнопленных. Об убитых им людях он цинично говорил: «Они отправились туда, откуда начинается хвостик редиски».

Этот убийца, подобно Ментену, занимался грабежом на оккупированных территориях. Его-то Ментен и выставил свидетелем.

У Ментена в СС, СД, гестапо и других карательных органах гитлеровской Германии были, конечно, еще друзья кроме Оберлендера. Но просить о вызове их в суд Ментен все же не решился, пожалуй, слишком многое могло бы нечаянно открыться за подобными «дружескими связями!»

Когда начиналось рассмотрение дела Ментена в суде, многие адвокаты отказались его защищать. Нашелся некий Хейнинген, опытный адвокат, решивший для защиты своего клиента использовать все, что только можно, в том числе и вызов свидетелей вроде Оберлендера. Он пытался воспользоваться испытанными юридическими увертками защиты, обращался даже к высокой теме прав человека!

В начале 1977 года во Львов одновременно с юристами прибыли три голландских журналиста — Г. Хохман, Ю. Пеп, К. Бахен. Более двух часов длилась у меня беседа с ними о доказательствах вины Ментена, выдвинувшего версию, что он не имеет никакого отношения к останкам, найденным при раскопках на окраине села Урич, и история их появления его не касается. Через некоторое время Ментен и защитник Хейнинген заявили президенту Амстердамского суда Б. Мультеру, что дело против Ментена — это дезинформационная кампания со стороны СССР и Польши, цель которой — скрыть преступления русских (!) на бывших польских землях. Все поставили с ног на голову!

И вот один из голландских журналистов спросил, насколько достоверно это заявление Ментена? Отвечая на вопрос, я обратился к показаниям свидетелей, не являющихся советскими гражданами. Так, Гауптман, родившийся в 1916 году в селе Урич, а теперь проживающий в Швеции, свидетельствовал:

«До 1939 года я был рабочим, рано остался без родителей. С установлением Советской власти в Западной Украине учился и получил диплом инженера, работая на нефтепромысле в Уриче. Сразу же после того как фашисты оккупировали Львовскую область, работы на нефтепромысле приостановились, и я стал безработным. Жили мы тогда в поселке на окраине села Урич. Было это в конце августа 1941 года. Одна из моих сестер, увидев в поселке полицаев из так называемой украинской полиции, посоветовала нам, мужчинам, спрятаться. Мы так и сделали. С того места, где мы прятались, сквозь щель в досках я видел, как

Ментен что-то говорил одному из полицаев. О чем шла речь, я расслышать не мог. Полицаи сразу же начали сгонять людей. В мою квартиру тоже пришли полицаи. Они забрали моих сестер и их детей, Ментен и полицаи медленно шли к выкопанной яме. Мы слышали крики, мольбу о пощаде. Людей расстреливали в упор.

Когда настал черед моей сестры и ее дочери, я видел, как она подошла к Ментену, что-то говорила. Кажется, сестра хотела объяснить, что она — гражданка США: такие бумаги ей помогли получить родственники. Ментен посмотрел на бумаги и махнул рукой в сторону сестры. Сестра с дочерью направились к нашему дому. Ментен подал пулеметчику знак, раздалась очередь из пулемета по сестре и ее ребенку. Весь расстрел продолжался около часа».

А вот свидетельство А. Поллака, 1911 года рождения. Ныне он проживает в США.

«Перед тем как нас привели в дом (на околице села Урич, где собирали людей перед расстрелом. — Б. А.), я увидел на расстоянии около двадцати пяти метров Ментена. Вместе с ним было двое или трое немцев-фашистов, одетых в форму СС. С веранды дома было видно, что люди копают яму... Потом группу из десяти-двенадцати человек повели к яме. Там были мужчины, женщины, дети. Видел, как они вставляли на доски, перекинутые через яму, и слышал пулеметную очередь. Люди падали в яму. Я в то же время бросился бежать в лес. Слышал выстрелы, но в меня не попали, прятался несколько дней в лесу».

Заканчивая свои свидетельские показания, Поллак заявил:

«Я хочу выступать не только как свидетель, я обвиняю Ментена и других его соучастников в массовом убийстве людей, в частности моей жены, матери и сестры. Я готов, где угодно и когда угодно, предстать перед любым судом и дать показания под присягой».

Корреспондентам этих и других западных газет, радио и телевидения были показаны подлинные документы, зачитаны показания очевидцев расправы Ментена с мирными советскими гражданами.

Но вопреки всему снова всплывало на поверхность заведомо ложное утверждение, что в СССР и Польше «советской пропагандой» ведется специальная кампания против Ментена. Об этом неоднократно заявляли Ментен и Хейнинген в Амстердамском суде, куда они обратились с иском к журналисту Кноопу и его издателю Ландену, выпустившим книгу о злодеяниях Ментена на территории СССР и Польши. Нацистский убийца требовал запрета этой книги и привлечения к ответственности автора за «поруганную честь».

К каким только уловкам не прибегал Ментен, чтобы не допустить дела до суда! Питер Николаас Ментен сделал и такое заявление в суде: он не является голландским гражданином, и поэтому голландский суд не имеет права судить его. Было документально доказано, однако, что, когда в 1950 году посольство Польской Народной Республики в Голландии обратилось к тамошним властям с просьбой о выдаче преступника Ментена, он утверждал, что родился в голландской семье, был и остается голландцем. Это был тот редкий случай, когда Ментен не лгал.

Напомню: в 1939 году Ментен во Львове получил у голландского консула паспорт, с которым выехал в Краков, на оккупированную гитлеровцами территорию Польши.

Затем в 1943 году он зарегистрировался как гражданин Нидерландов, а не Польши.

Во время судебного разбирательства вопрос о подданстве Ментена возникал неоднократно.

Судья Схруэдер спрашивал подсудимого:

— Можете ли вы предъявить суду документ, подтверждающий, что вы приняли польское подданство?

— Такие документы у меня имелись, но я их спрятал в каком-то доме в Ирландии, теперь найти их будет трудно.

Судья продолжал:

— Зачитываю два ваши письма, датированные 1941 годом, в которых вы извещали официальные немецкие власти о том, что вы голландец (читает письма).

Ментен делает презрительный жест рукой:

— Это очередная фабрикация!

В зале суда смех.

Судья немедленно требует тишины, он осторожен: наглость Ментена провоцирует возмущение общественности, эксцессы тут возможны, но обвиняемый не должен иметь повод жаловаться, что его защите мешали.

9 мая 1977 года в особой палате Амстердамского окружного суда продолжалось слушание дела Ментена. Зал был полон, в корреспондентской ложе яблоку негде было упасть.

Несмотря на то что многие совершенные Ментеном злодеяния стали уже достоянием широкой общественности и ждали возмездия, сам он держался чрезвычайно уверенно. То и дело вступал в объяснения, каждый раз говорил нескончаемо долго, возмущенно требовал, чтобы его не прерывали, снова и снова отрицал все инкриминируемые деяния. А в конце своей трехчасовой речи заявил, что предъявленное ему обвинение — «выдумка советской юстиции».

Когда шум в зале утих, к председателю обратился прокурор Хабермел:

— Обвинением будут представлены в распоряжение суда дополнительные материалы о расстреле советских граждан подсудимым Ментеном в селе Урич.

Взоры присутствующих обратились к Ментену. Все заметили, как он побледнел, как задрожал у него подбородок.

С началом судебного разбирательства по делу Ментена наше расследование на Львовщине, на месте преступления, не прекратилось. Подобная возможность предусмотрена законами, в частности и голландскими. Масштаб содеянного Ментеном, к несчастью, был очень велик.

Со временем устанавливались и новые свидетели. Одни, услышав по радио или прочитав в газетах о ментеновском процессе, сообщали о себе сами, других — разыскивали мы. Нет нужды говорить о трудностях, которые при этом возникали, если вспомнить, сколько минуло лет со времени совершенных Ментеном преступлений.

Многих свидетелей уже не было в живых, место жительства других было неизвестно. А кроме того, приходилось еще уточнять, где именно стояли те или иные здания, теперь уже не существующие; измерять расстояние от места расстрела до места уничтоженных войной домов, возле которых стояли или в которых тогда находились очевидцы кровавой трагедии. Не мало времени заняли и поиски фотографий погибших.

В свою очередь в Голландии, ФРГ, других странах Ментен бросал громадные суммы на то, чтобы преградить дорогу правде. Людей, потенциально ему опасных, всячески порочили (тут посильную лепту внесла жена Ментена, пытавшаяся оклеветать юристов — участников следственной группы, побывавших в СССР). Нанимались частные сыщики для слежки за теми, кто мог разоблачить Ментена. Пускались в ход угрозы, писались анонимные письма. Не успел свидетель М. Гауптман прибыть из Швеции в Амстердам, как получил письмо, в котором ему грозили расправой, если он посмеет давать правдивые показания. Фабриковались «документы», имеющие целью превратить фашиста Ментена в Ментена-антифашиста. И с той же целью исправлялись подлинные архивные документы времен второй мировой войны в выгодном для Ментена свете. Не случайно газета «Де Ваархейд» призывала: «Исходя из значения дела Ментена, который десятки лет имел высоких покровителей, очень важно сохранить бдительность».

К сожалению, призыв газеты Компартии Нидерландов не всеми был услышан: Хейнингену каким-то образом удалось

раздобыть некоторые данные из секретного досье на Ментена, и, подчистив их, поменяв, так сказать, минусы на плюсы, он разослал их во многие газеты.

В зале окружного Амстердамского суда шло очередное заседание. За столом защитника, перед огороженным местом обвиняемого, — адвокат Хейнинген, знаток буржуазного процессуального права.

Щурясь, он то проницательно поглядывал на судей, то простодушно на публику, изо всех сил стараясь завоевать ее симпатии. Во всяком случае ему хотелось продемонстрировать искренность в борьбе за честь «оскорбленной личности». И когда, оборачиваясь назад, он смотрел на эту самую «оскорбленную личность», эсэсовца Ментена, взгляд его становился сочувствующим.

Хейнинген с такими словами обратился к судье:

— Господин председатель! Я утверждал и повторяю: мой подзащитный решительно ни в чем не виновен. Взгляните на этого высококультурного преклонного возраста человека! Возможно ли допустить, чтобы он мог быть столь жестоким, как нам хотят внушить обвинение и советские юристы. Ментен — человек из высшего света. Не в характере такого человека действия, о которых говорится в показаниях свидетелей, и я эти показания расцениваю как очередную кампанию против Ментена.

В ответ на тираду адвоката прокурор сделал еще одно заявление:

— Господин председатель! Я имею намерение представить новое доказательство вины обвиняемого, в частности его собственноручные записи, найденные в подвалах бывшего консульства Нидерландов в Кракове. Ментен записал, что он «в качестве зондерфюрера СС прибыл во Львов вместе со штабом группенфюрера Шенгарта для того, чтобы оказать помощь в решении еврейского вопроса, а также для борьбы с движением Сопротивления».

Следующее заседание. Вызывается свидетель Кнооп.

Недоумение в публике. Ханса Кноопа все знают как редактора журнала «Акцент», а теперь еще и как автора изданной книги «Дело Ментена». Но почему он — свидетель?

Посвященные в хитрости защиты сразу поняли, в чем дело, и объяснили:

— Ясно, как день! Защитник Ментена внес Кноопа в список свидетелей, чтобы журналист, сидя в свидетельской комнате, не мог присутствовать в зале заседаний.

Кноопа быстро опросили, и судья вопреки протесту защиты позволил ему остаться в зале. Кнооп занял место рядом с другими

корреспондентами. Трюк Хейнингена не прошел.

Начался допрос свидетелей-поляков, которые во время войны проживали в Подгородцах.

Показания Л. Шустер. Она хорошо знала Ментена, так как служила кухаркой в его имении в Сопоте. Она также знала тех, кто стал жертвами Ментена — Новицкого и его жену Брониславу, Старжинского, Пистоляка, Неймана и других. Рассказ свой она заканчивает словами:

— Я тоже могла бы 7 июля 1941 года оказаться в числе расстрелянных в селе Подгородцы. Но когда полицаи загнали нас в дом Пистенера, я увидела там Ментена в нацистской форме, он узнал меня и отпустил при условии, что я никогда никому не расскажу об этом страшном событии...

Ментен вздрогнул, хотел что-то сказать, но сдержался и промолчал.

На свидетельском месте К. Тузимек и П. Тычинская. Они хорошо знали Ментена. Он, однако, упорно твердит, что свидетели якобы путают его с братом Дирком, а он, Питер, в июле-августе 1941 года в Подгородцах даже не был.

Допрос свидетелей продолжался до позднего вечера, но внимание присутствующих не ослабевало.

Корреспондент одной из польских газет сообщал об этом вечернем заседании в зале Амстердамского суда: «Если кто-нибудь из присутствующих сомневался в том, что Ментен виновен, то теперь благодаря показаниям свидетелей все сомнения развеяны».

Хейнинген на этом заседании пытался запутать свидетелей несущественными вопросами. А Ментен перед закрытием заседания вскочил и выкрикнул: «Эти свидетельские показания от начала до конца надуманны!» Но опровергнуть их ему было нечем.

Когда 18 апреля 1977 года в Амстердамском суде слушалось дело, в голландское консульство в Дортмунде (ФРГ) явился пожилой человек с выправкой бывшего военного, некий Ганс Гайслер, и вручил консулу несколько исписанных страниц, прося ознакомиться с ними и передать затем голландским органам юстиции. Уже через пару дней с Гайслером встретились прокурор Хабермел и комиссар полиции Петере.

— Прежде всего, господа, — начал Гайслер, — я должен заявить, что был в свое время знаком с Питером Ментеном и хочу помочь правосудию справедливо разобраться.

— Как вы познакомились с Ментеном?

— Как эсэсовец с эсэсовцем.

— ?!

— Прошу вас, господа, верить мне: сам я никогда ни в одной акции по уничтожению людей участия не принимал, хотя и служил в карательной команде Шенгарта...

— Продолжайте...

— В начале июля 1941 года я находился в Лемберге — так мы, немцы, называли город Львов. Ментен, как мне стало известно, категорически отрицает факт своего пребывания там в те дни. Но я-то знаю, что он был там и именно тогда. Мы были в Лемберге вместе! Вот, я захватил с собой фото. Взгляните. Это — Питер Ментен, его легко узнать. Снимок сделан в Лемберге. И дата на обороте: «1941 год, июль».

— А кем написана дата?

— Помнится, самим Ментеном. Мы встречались с ним в офицерском казино. Он с энтузиазмом разглагольствовал о казнях евреев, да и людей других национальностей. Превозносил какого-то эсэсовца, который вместе с ним совершал эти экзекуции.

Гайслер рассказал еще, что Ментен неоднократно выражал намерение увеличить свои земельные владения в Прикарпатье.

Когда на следующий день в зале особой палаты Амстердамского окружного суда совершенно неожиданно для обвиняемого появился новый свидетель, бывший эсэовец Гайслер, и показал изобличающую подсудимого фотографию, обстоятельно повторил перед судом все, что незадолго перед тем сообщил Хабермелу и Петерсу, от ментеновской самоуверенности не осталось и следа.

Еще в 1949 году, перед первым судебным процессом над Ментеном, когда он обвинялся в сотрудничестве с фашистами, но еще не было установлено его участие в расстреле советских граждан, Ментен сам говорил о своем пребывании во Львове в июле 1941 года. Теперь же он и это отрицал. Тогда, в 1948 году, и жена Ментена показала на допросе, что 3–5 июля 1941 года к Ментену пришли два немецких офицера и они втроем во Львов.

Когда прокурор зачитал эти документы, Ментен стал кричать:

— Я тогда не был в Подгородцах, предъявленные показания сфабрикованы!

Подсудимому нечем было опровергнуть показания свидетелей, и тогда он, обращаясь не столько к суду, сколько к присутствовавшим в зале корреспондентам, изрек: «Это кампания Советов против меня!», «Голландская юстиция продалась советским юристам!» Мир буржуазной прессы пестр и отнюдь не блещет неподкупностью. Нашлись такие газеты, которые подхватили ментеновские заявления.

Некоторое время на процессе подвизался в качестве эксперта

по истории второй мировой войны некий профессор Руетер. Он использовал свою причастность к суду и получил допуск к секретному досье Ментена. Выписав оттуда все, что хотел, Руетер без решения суда выехал с этими данными на несколько дней из Голландии в ФРГ. Зачем, спрашивается?

Во-первых, он повез туда заключения баллистических исследований по делу Ментена, проведенных в СССР, чтобы их перепроверить и, если удастся, поставить под сомнение.

Во-вторых, посетить бывшего гестаповца Ландау. На совести этого гитлеровца тысячи погибших советских людей. В годы оккупации он занимал должность начальника гестапо в Дрогобыче. Ментен с Хейнингеном послали Руетера к Ландау в надежде, что вышедший сухим из воды, вернее из крови, бывший гестаповец поможет бывшему эсэсовцу выкрутиться, засвидетельствовав, что преступления Ментеном совершались по приказам свыше и в этом нет его вины.

Именно об этом говорил судье странствующий эксперт после возвращения.

Судья упрекнул его:

— Вы, профессор Руетер, слишком много на себя взяли, пытаетесь доказать, что порядки в гитлеровском государстве были вполне законными, все только выполняли инструкции.

Эксперт нагло парировал:

— А вы, господин судья, разве служили у немцев? Если бы служили, то поняли бы, что дисциплина у них была безукоризненная, даже для проведения экзекуций имелись точные инструкции.

О деятельности Руетера в качестве эксперта, его поездке с материалами дела в ФРГ прокурор Хабермел заявил:

— Я квалифицирую эти действия как противозаконные.

А Ментен патетически провозгласил:

— Ваши действия в суде, господин профессор, были блестящими!

Процесс продолжался. В суд был вызван свидетель Гауптман. Перед его допросом прокурор Хабермел обратился к судье Схруэдеру:

— Господин председательствующий, прежде чем начнется допрос свидетеля, специально прибывшего из Швеции, я хотел бы обратить внимание суда на то, что в Стокгольме Гауптману серьезно угрожали, отговаривали от поездки в Амстердам, в суд. Запугивали по телефону. В связи с этим шведской полиции пришлось охранять дом Гауптмана. Полицией Нидерландов также приняты меры по охране свидетеля Гауптмана. Пусть общественность знает о тщетных попытках провокаторов

помешать отправлению правосудия!

— Да, действительно, — подтвердил Гауптман, — мне домой несколько раз звонили неизвестные лица. В первый раз кто-то на ломаном шведском языке сказал: «В Амстердам ехать не советую, сделаете глупость, за которую дорого поплатитесь!» Звонили даже по ночам, грозили, что будет мне «капут», если выступлю на суде.

— Благодарю вас, свидетель Гауптман, что вы не побоялись приехать в Амстердам на суд, — сказал Хабермел.

— Это мой моральный долг. Я не забыл тот страшный день, когда нацистами под командованием Ментена была убита моя семья и мои родственники в селе Урич.

И Гауптман подробно рассказал, как фашистские палачи казнили безвинных советских людей, как в этом им помогали полиция из числа украинских националистов.

Между Ментеном и Гауптманом произошел такой диалог:

Ментен. Вы утверждаете, что узнали меня. Во что я был одет?

Гауптман. Господин председательствующий, я очень хорошо знаю свою супругу, но спросите меня, во что она была одета вчера, — не вспомню. Расстрел советских людей происходил тридцать шесть лет тому назад, как могу я помнить, во что был одет подсудимый?

Ментен. Была ли на мне шляпа?

Гауптман. Если шел дождь, то — вполне возможно.

Ментен. На какой лошади я ехал, на гужевой или верховой?

Гауптман. Когда мне сказали, что едет Ментен, так я уже рассматривал того, кто сидел на лошади, а не лошадь, на которой он сидел.

После допроса Гауптмана в зал суда был вызван свидетель Поллак, прибывший из США.

— Господин председательствующий, — поспешил подняться Ментен, — этот свидетель никогда ни в Уриче, ни в Подгородцах не жил. Он проживал в Варшаве и ни о чем свидетельствовать не может!

Поллак сразу опроверг это утверждение подсудимого:

— Родился я, господин судья, в Бориславе, а работал и жил в селе Урич до 1941 года, до дня, когда моя семья была уничтожена Ментеном. С этого времени я бродил по свету, но не нашел места, где бы можно было забыть о трагедии моей семьи и моих односельчан. Ментена я хорошо знаю. Вспоминаю, как в Подгородцах под новый год я был вместе с ним на балу, там и познакомились. Он танцевал с моей девушкой.

Ментен вскакивает, кричит:

— Это смехотворная чепуха. От села Сопот до Подгородцев

нельзя было в ту пору добраться, потому что бурная речка Стрый широко разливалась.

Свидетельница, дочь помещика Пистенера, приехавшая из Израиля, в суде заявила:

— Чепуха как раз то, что сейчас сказал Ментен. Зимой эта речка всегда покрыта льдом. Кроме того, имелся мост через нее.

Следы этого моста, соединявшего берега Стрыя у села Подгородцы, сохранились и сейчас. Когда голландские юристы посетили Подгородцы, я показывал им его остатки.

Во время допроса свидетельницы Тузимек Ментен перебил ее выкриком:

— Это смехотворный вымысел, а не показание. Она, должно быть, кем-то подучена свидетельствовать так!

— Господин председательствующий, — заявила оскорбленная женщина, — я даже не знала, что ведется следствие против Ментена. Мои дети прочли в газете об этом. Тогда я рассказала им, что была очевидцем расстрела в Подгородцах. Сын посоветовал мне пойти в милицию и рассказать о кровавых событиях в Подгородцах. Показания я давала по доброй воле!

Суд на время летних каникул прервал свое заседание, а в середине июня 1977 года мы снова встречали во Львове прокурора Хабермела, комиссара полиции Петерса и старшего инспектора полиции Пастеркампа, сопровождаемых сотрудником Нидерландского посольства в СССР Эверарсом и переводчиком Федером.

Разговор сразу зашел о деле Ментена, об амстердамском процессе, тянувшемся вот уже третий месяц. Я спросил голландских коллег, какие будут у них просьбы к нам в этот приезд?

— Мы хотели бы просить вас провести в нашем присутствии эксгумацию могилы в селе Урич, а кроме того, нам необходимо дополнительно допросить некоторых свидетелей в Подгородцах и в Уриче.

— Просьбы ваши будут удовлетворены.

— Вторичное посещение нами мест преступления вызвано тем, что у Ментена объявился новый свидетель, какой-то бывший эсэовец, в свое время осужденный и отбывший срок наказания, — сказал Хабермел, — и он пытается обелить Ментена.

— Из голландских газет нам уже известно об этом новом ментеновском свидетеле, таинственном и неизвестном. Что же, он уже назвал себя?

— Нет, фамилии своей он назвать не хочет. Суть его показания сводится к тому, что Ментен якобы не мог

присутствовать в Уриче во время расстрела советских граждан в 1941 году, поскольку акция эта — дело рук эсэсовцев совсем другой воинской части из дивизии «Викинг». Как вы понимаете, закон обязывает суд присоединить новое показание к делу, а также допросить всех свидетелей, которых в связи с этим показанием выставит защитник, обвинитель или еще кто-либо из участников судебного разбирательства.

На следующий день мы поехали в Урич.

— Уверены ли вы, что поиски будут результативными? — спросил меня Хабермел.

— Как может быть иначе? Имеются ведь свидетельства очевидцев о массовом расстреле у околицы села Урич. Но найти могилу теперь, через тридцать шесть лет со времени кровавого события, будет, вероятно, нелегко. Ментен уже заявил на суде, что мы, советские юристы, специально подготовили могилу. До подобного цинизма мог дойти только враг нашего государства. К чему же готовить могилы жертв, когда фашисты и их пособники оставили после оккупации нашей земли тысячи могил! Вы сами убедились в этом во время предыдущей поездки по селам нашей области.

— Да, конечно, — согласился Хабермел.

— Удивительный человек этот Ментен, что ни слово — ложь.

По дороге в Урич Хабермел взглянул на часы и сказал:

— Как раз сейчас должно рассматриваться очередное, уже пятое, прошение Ментена об освобождении его из-под ареста.

Голландские коллеги рассказали о всяческих увертках Ментена.

Недавно, например, он и его адвокат потребовали вызова в суд известного в Голландии историка второй мировой войны для уточнения дат некоторых событий. Вызванный «уточнил»: гитлеровские войска заняли Львов... в середине июля 1941 года. Номер с уточнением, разумеется, не прошел: всем известно, что гитлеровцы ворвались во Львов 30 июня. Для чего же понадобилось Ментену заключение еще одного историка? Чтобы опровергнуть утверждение свидетелей, что он, Ментен, был на Львовщине 7 июля, в день Ивана Купалы.

В полдень мы уже были у цели, в Уриче.

На юго-западной окраине села и сейчас стоят старые нефтяные буровые вышки. До 1939 года они принадлежали компании «Гартенберг и Шраер». Тут же стояло несколько бараков, в которых прежде ютились рабочие — украинцы, евреи, поляки.

Нелегко было сводить концы с концами семье Шляйферов, кое-как сколотившей вблизи вышек свою хатенку. Стояла она

недалеко от домика поляка Аугустиновича. За хатой — небольшой огород, спускавшийся к речке, летом — свои овощи. Но жилось, ох как трудно! Выбиться из нищеты нечего было и думать. Жизнь стала лучше только после сентября 1939 года, когда Львовщина стала советской. Вскоре, однако, ворвались на эти земли фашисты. Вот тогда-то и объявился в Уриче Ментен.

Свидетель Шляйфер, единственный уцелевший из этой большой семьи, показывает на обелиск:

— Вот здесь, под этими березками, лежат мои сестры, жена, племянники и многие мои односельчане — мужчины, женщины, дети, старики.

Прислушиваясь к моему разговору со Шляйфером, вокруг собрались все приезжие: голландские юристы, корреспонденты газет Голландии, Бельгии, Швеции.

Все с волнением ждали, какие результаты даст эксгумация. Кое-кто не верил в обнаружение могилы. Общее волнение передалось и мне. Удастся ли сразу найти то место, где зондерфюрер СС Ментен расстреливал советских граждан? Во всяком случае, место это здесь, перед нами: заросшая пышной травой небольшая площадка, ограниченная с двух сторон горами, а с третьей — рвом и рекой. Фашисты могли выбрать только это ровное место для массовой казни. Отсюда нельзя было убежать: вокруг крутые уступы.

Начали работу. Сыро, земля мокрая: копнешь лопатой — выемка тотчас заполняется водой. А тут еще туча нависает, вот-вот хлынет дождь.

Копали с полчаса. И вот первое доказательство.

— Череп человека с входным пулевым отверстием в затылочной части, — после недолгого осмотра заключил эксперт, судебный медик Владимир Зеленгуров.

Теперь доказательства сменяют друг друга: гильзы от патронов к немецким автоматам, черепа, кости, несколько трупов в состоянии жировоска.

Вот трупы женщины и ребенка, которого она прижимала к себе и после смерти. А вот вещественное доказательство, которое заставляет содрогнуться: бутылочка с соской. В ней еще сохранилось что-то жидкое.

Кошельки, советские и польские мелкие монеты, гребни. Женская и мужская обувь, детские туфельки, пояса. Много ключей, карманные часы.

И черепа — мужские, женские, детские — их было найдено более сотни.

— Фотографируйте, описывайте, — обратился я к зарубежным корреспондентам. — Расскажите об этом всем в

ваших странах.

Они не только фотографируют, они фиксируют на лентах магнитофонов каждое слово наших экспертов.

Показав на огромное количество найденных человеческих черепов, я напомнил им заявление Питера Ментена из автобиографии, которую он писал в 1941 году в первые дни нападения фашистов на Советский Союз: «Я словом и делом готов доказать свою преданность Германии».

Эксгумация трупов проводилась семь дней, ее результат — обнаружение останков более ста пятидесяти убитых. С тяжелым чувством мы уезжали во Львов.

Прошло несколько дней, и мы вернулись в Карпаты, туда, где должно было состояться перезахоронение останков людей, расстрелянных по приказу Ментена.

Прокурор Хабермел с переводчиком Федером и я ехали в одной машине. Уже за городом Хабермел сказал:

— Ментен, не желая признать себя виновным в экзекуциях, заявляет, что эти расстрелы в карпатских селах чинили украинцы.

— Не украинцы, нет, господин Хабермел, — поспешил я ответить и просил Федера точно перевести мои слова. — Нельзя никоим образом в данном случае говорить — украинцы! Соучастники злодеяний Ментена — украинские буржуазные националисты. А это — отщепенцы, и отождествить их с украинским народом — значило бы оскорбить украинский народ. Ментен нашел с ними общий язык, ибо он и они — злейшие враги украинского народа.

Хабермел просил меня продолжать, и я рассказал ему позорную историю украинского буржуазного национализма.

Гость из Голландии внимательно слушал, иногда задавал вопросы. Когда мое объяснение было окончено, он сказал:

— Благодарю вас. Теперь я понимаю, почему Ментен действовал вместе с националистами.

Наш разговор в машине закончился, когда мы подъехали к околице Урича. Нас встретил Антон Андреевич Руденко, прибывший туда раньше.

Ступени широкой лестницы ведут на вершину холма. Подле свежей могилы гробы. Здесь, у дороги, воздвигнут обелиск. Будет он виден далеко-далеко. Почтить память погибших земляков пришло более пяти тысяч человек. Прибыли работники Львовского обкома Компартии Украины и облисполкома, представители общественных организаций, прессы, телевидения. Я встретил знакомых писателей и журналистов, освещавших ход следствия по делу.

В полдень начался траурный митинг. Все выступавшие на нем

требовали от голландского суда сурового наказания военного преступника Питера Ментена, на совести которого сотни погибших советских людей. Очевидцы страшных событий, родные и знакомые расстрелянных со слезами на глазах вспоминали о той трагедии, которая произошла в пору гитлеровского лихолетья, когда осатанелый палач Ментен расстреливал, грабил, запугивал советских людей. Но не удалось ему убить в них веру в победу, в освобождение от фашистского ига.

На трибуне — пионерка. Не страшную сказку слышала она в детстве, а горестную быль об ужасах расстрела ее родственников Ментеном. Возмездия требовал и ребенок.

Выступил представитель голландского посольства в СССР господин Эверарс. Он выразил сочувствие советским людям, их горю, причиненному фашизмом в годы войны..

На этом митинге было оглашено воззвание женщин Львовщины к голландским судьям. В нем — требование сурового наказания для военного преступника Ментена.

Звучит мелодия траурного марша. Гремит салют в честь погибших. Гроб за гробом медленно опускается в могилу. На нее ложатся десятки венков из живых цветов.

На временном обелиске надпись:

Советским гражданам, замученным фашистскими оккупантами в 1941 году.

Июнь 1977 года.

Вечная слава павшим в борьбе за свободу и независимость социалистической Отчизны!

Вечером мы выехали в Дрогобыч.

Вскоре голландские юристы отправились в Польскую Народную Республику. От нас они увезли документы, фотографии, вещественные доказательства, подтверждавшие участие Ментена в преступлениях.

Спустя несколько дней, в конце июня 1977 года, польская газета «Трибуна люду» писала:

«Посещение села Урич подтвердило тезисы обвинения... Голландская общественность пребывает под глубоким впечатлением от результатов посещения голландской следственной группой села Урич. Группа посетила Урич по поручению особой палаты (окружного суда. — Б. А.), которая судит гитлеровского военного преступника Питера Ментена. Он обвиняется в организации массовых экзекуций, одна из которых имела место в Уриче 27 августа 1941 года.

В присутствии делегации, сопровождаемой голландскими журналистами и фоторепортерами, была произведена эксгумация

на месте, указанном свидетелями во время первой фазы судебного следствия. Найдены останки нескольких сот жертв — женщин, детей, мужчин. При более детальном исследовании выяснилось, что многие из них были убиты выстрелами в затылок.

Голландские органы массовой информации детально освещают ход следствия на территории СССР, подчеркивая ту чрезвычайно большую помощь, которую оказывают голландской делегации советские власти... Высказывания защитников Ментена, будто могилы на месте казни заблаговременно подготовлены, лишены каких бы то ни было оснований.

Присутствие при эксгумации голландских юристов полностью опровергает упомянутое заявление, имеющее провокационный характер».

Голландская газета «Де Ваархейд» в статье «Останки ста пятидесяти жертв в массовой могиле в Уриче» 23 июня 1977 года писала:

«В массовой могиле в Уриче найдено сто пятьдесят жертв. В яме размером шесть метров пятьдесят сантиметров на три метра пятьдесят сантиметров найдено девяносто четыре черепа взрослых и двадцать — детей, а также кости еще двадцатидвадцати пяти жертв; найденные бутылочки с сосками и детские игрушки дают основание допускать, что среди жертв были и грудные младенцы.

Согласно выводам специалистов, найденные черепа дают основание утверждать, что здесь дело идет о массовой экзекуции, ибо многие из них имеют огнестрельные раны в затылочной кости. Ментен обвиняется в том, что принимал участие в экзекуции, которая производилась 27 марта 1941 года в селе Урич».

О том, что произошло на окраине Урича в августе 1941 года, рассказали очевидцы.

Свидетельство Германа Шляйфера:

— Мой отец поселился в Уриче в 1936 году. Спустя два года приехал туда и я. Работал на временной работе, постоянной не было. Лишь когда Львовщина стала советской, я получил постоянную работу. Мой отец хорошо знал Ментена.

В 1941 году наша семья узнала, что в селе Подгородцы совершен массовый расстрел советских людей.

В конце августа на околицу села Урич приехала группа гитлеровцев и мой отец сказал, что среди них — Ментен. После обеда начали сгонять людей в дом Норлихта. Я, отец, наш родственник Гауптман и Поллак влезли на чердак нашего дома и там спрятались, женщины закрыли нас всяким тряпьем и старыми

вещами. Полицай из числа украинских буржуазных националистов сгоняли людей, преимущественно евреев. Мы видели, как выводили этих людей из дома Норлихта на расстрел, но самого места расстрела не видели, потому что он происходил за холмом. Расстояние до него составляло не более ста метров.

Когда гитлеровцы ехали к месту расстрела, отец показал мне сквозь щели в досках Ментена.

Выводили по два-три человека к яме и там их расстреливали. Расстрел продолжался до позднего вечера.

В тот день были расстреляны моя жена, двое детей, многие родственники.

То же рассказали свидетели Поллак и Гауптман.

По возвращении в Голландию руководитель делегации прокурор Хабермел заявил:

«Мы собрали дополнительный материал. Я могу с уверенностью сказать, что по нашей просьбе в Амстердам придут четыре советских свидетеля, которые дадут показания в суде 25 августа, когда он начнет свою работу. Сейчас решается вопрос о приезде других свидетелей.

Делегация присутствовала в Уриче на эксгумации, проводившейся по просьбе органов нидерландской юстиции; в могиле находились останки свыше ста пятидесяти жертв, останки младенцев не сохранились. Среди жертв, несомненно, находились пятеро или семеро младенцев, так как в могиле найдены семь детских бутылочек, некоторые даже с сосками. Кроме того, найдены гильзы и пули.

Голландская делегация будет иметь в своем распоряжении выводы баллистической экспертизы, которую сейчас проводят в СССР.

Ментен ранее заявлял, что в Уриче никогда не жили евреи и что в Уриче никогда не было никакой экзекуции.

Я заявляю, что место могилы соответствует показаниям свидетелей как из СССР, так и из других стран. Число жертв также совпадает с показаниями свидетелей.

Делегация разговаривала с двадцатью свидетелями, которые явились сами.

После Урича делегация побывала в польских городах Кракове и Варшаве. В Кракове мы посетили дом, в котором жил Ментен и были найдены письма, изобличающие его».

Таковы были первые отзывы, появившиеся в зарубежной прессе после эксгумации могилы в Уриче, произведенной с 16 по 21 июня 1977 года.

Ментен выкручивается

Ментен, сидя на скамье подсудимых, часто позировал перед фотоаппаратами. Этот крупный, холеный мужчина, хорошо сохранившийся в свои восемьдесят с лишним лет, в суде вел себя исключительно нагло. Как только его привлекли к ответственности, он буквально засыпал суд исками к лицам, разоблачавшим его, требовал с них миллионных компенсаций за свою «поруганную честь». Он оскорблял юристов за то, что ему отказывали в освобождении из-под стражи. Вторая жена Ментена, молодая, в расцвете сил женщина, с бешеной яростью бросилась защищать своего мужа. Она не пренебрегала встречами с уголовными преступниками, выдворенными за пределы Советского Союза, и находила с ними общий язык. Она занялась подкупом издателей буржуазных газет и журналов.

В ходе судебного разбирательства Ментен дошел до того, что предъявил иск правительству Нидерландов, требуя выплаты ему компенсации за «безосновательный» арест, причем из расчета десять миллионов гульденов за каждый день содержания под стражей.

О наглом поведении Ментена на суде писали и говорили многие в Голландии и за границей.

Министр юстиции Нидерландов заявил в парламенте: «Действительно, Ментен пользовался в суде во время судебного процесса особыми льготами, он, когда случались перерывы в судебных заседаниях, постоянно общался с близкими, хотя ему не всегда давали на то разрешение».

В ходе следствия и рассмотрения дела в суде шло противоборство правды и лжи, добра и зла. Ментен и Хейнингген пользовались явно недостойными средствами, выдвигали несостоятельные алиби, заявляли необоснованные претензии, но прежде всего настойчиво пытались дискредитировать показания свидетелей из СССР и ПНР, клевета при этом на Советский Союз и другие социалистические страны.

В качестве свидетелей защиты в суде выступали мобилизованные Ментеном и его адвокатом люди, ненавидящие нашу страну, бывшие эсэсовцы, которые не гнушались ничем.

Материалы судебного процесса Ментена заставляли меня задуматься над тем, чего больше в поведении как самого подсудимого, так и его адвоката — цинизма, нахальства, невежества в области политики или ненависти к Стране Советов. В словах и в действиях этих двух господ в суде проявились эти свойства. Обратимся к нескольким моментам судебного

следствия.

Прокурор Хабермел:

— Сегодня я хотел бы доложить об итогах второй поездки голландских юристов в Советский Союз. Поездки, состоявшейся в связи с эксгумацией трупов на окраине села Урич. Там, в Уриче, мы имели возможность встретиться со свидетелями, которых до того допрашивали. Они также рассказали об экзекуции. Подсудимый Ментен на суде заявил, что селяне могли спутать его с начальником полиции в селе Подгородцы Филиппом Миллером. Мы располагаем теперь фотографиями Филиппа Миллера того времени. Он совсем не похож на Ментена...

Тут вскочили Ментен и Хейнинген и в один голос выкрикнули:

— Это, вам, господин Хабермел, юристы в Советском Союзе подсунули, вы продались им!

— Довожу до вашего сведения, что эту фотографию, по нашей просьбе, вручила нам в Подгородцах дочь Филиппа Миллера.

— Знаем мы вас! Скажите, за какую сумму продались Советам?..

Перебивая друг друга, Ментен и его адвокат обрушились с клеветой на нашу страну.

Большинство присутствовавших было потрясено этой выходкой и выразило возмущение. Судья просил прокурора продолжать. Хабермел рассказал далее:

— Мы снова побывали в селе Подгородцы и осмотрели остатки моста через реку Стрый, связывавшего села Сопот и Подгородцы. Это я сообщаю потому, что подсудимый ранее заявлял, будто в годы, когда он жил в Сопоте, зимой нельзя было пройти из Сопота в Подгородцы. Это его утверждение уже опровергала своими показаниями свидетельница Пистенер.

Еще эпизод. 25 августа 1977 года, когда польские свидетели подтвердили в суде, что Ментен принимал участие в расстреле советских граждан 7 июля 1941 года в селе Подгородцы, он со злостью выкрикнул:

— Это все неправда, ложь! Показания этих людей выдуманы, я никогда не был в Подгородцах!

Обратимся еще к показаниям очевидцев, касающимся обстоятельств пребывания Ментена в 1941 году на Львовщине.

Ментен был в приятельских отношениях с бригаденфюрером и шефом СД Шенгартом. Шенгарт еще в 1946 году был допрошен следственными органами Англии. Он показал: «Ментен в конце июня 1941 года прибыл во Львов в эсэсовской форме и вначале исполнял роль переводчика, а затем — эксперта по искусству. Я бывал в июле 1941 года у него в гостях в имении в селе Сопот,

близ села Подгородцы...»

Когда в суде зачитали эти показания Шенгарга, Ментен стал, по своему обыкновению, выкрикивать: «Это ложь! Это сфабриковано полицейскими!», стал отрицать факт своего общения с Шенгартом, несмотря на то что совсем еще недавно заявлял о Шенгарте на суде следующее:

— Благодаря этому человеку я многого достиг в Польше и, чувствуя себя обязанным ему, после войны позаботился, чтобы его дочь получила приличное образование.

После войны следственные органы Голландии допрашивали в Бремене (ФРГ) некоего Гротяна, бывшего водителя автомашины Шенгарта. Гротян подтвердил, что в 1941 году в Кракове видел Ментена в эсэсовской форме и что тот вместе с Шенгартом в составе зондеркоманды выехал во Львов в конце июня — начале июля 1941 года.

Когда в Амстердам прибыли на суд свидетели из Советского Союза — Г. Савуляк, М. Шрибак, И. Шур и Г. Шляйфер, Ментен через своего адвоката заявил протест против допроса этих свидетелей, выдвинув нелепое утверждение, что показания их будут выдуманными.

Судья Схруэдер отклонил протест со словами:

— Суд с удовлетворением выслушает прибывших свидетелей. Допрос начался.

Когда Шляйфер повторил на суде то же, что и на следствии, Ментен и его адвокат пытались доказать, что между этими показаниями и показаниями Гауптмана есть расхождения. В действительности же расхождений в этих показаниях не было. Затем был допрошен свидетель Шур. Он рассказал, что знал Ментена и видел, как по его команде фашисты расстреливали советских людей в селе Подгородцы 7 июля 1941 года.

Свидетель Савуляк, давая свое показание, сказал, что во время расстрела Ментен был в «жолнерской форме». Воспользовавшись тем, что в языке западных украинцев слово «жолнер» означает военный, а польское «жолнеж» — солдат, Ментен начал, что называется, наводить тень на ясный день: он-де был офицером, а не солдатом, а свидетель, стало быть, видел не его, Ментена.

А когда Савуляк сказал, что вместе с Ментеном было двое гитлеровских офицеров, адвокат Хейнинген, чтобы скомпрометировать свидетеля, разыграл изумление:

— Выходит, что солдат Ментен давал команду офицерам?

Савуляк, не обращая внимания на иронический тон адвоката, спокойно ответил:

— Да, Ментен давал команду расстреливать, приказал

расстрелять и жену Новицкого.

Свидетель Шрибак:

— Я хорошо знал Ментена, он часто проезжал через наше село в свою усадьбу, в селе все его знали... Сразу после расстрела людей 7 июля я видел, как земля над засыпанной ямой шевелилась. Один из гитлеровцев вернулся к яме и полоснул по ней несколькими автоматными очередями.

Всем этим командовал Ментен.

Участники судебного заседания с неослабевающим вниманием слушали показания каждого советского свидетеля.

Ментен развязно заявил:

— Что это за свидетели! Все их показания — вранье! А свидетеля Гауптмана я посоветовал бы прокурору посадить в тюрьму вместо меня.

На суде были установлены некоторые факты, пролившие свет на то, почему в пятидесятых годах на первом процессе Ментена преступник не был сурово наказан. Выяснилось, что тогда в числе адвокатов Ментена был господин Кортенхорст, влиятельный член католической народной партии. По достоверным сведениям, этот господин получил тогда от Ментена взятку и с помощью подкупленного свидетеля Штиглица, живущего сейчас в Израиле, сумел обелить Ментена. В годы войны Штиглиц помогал Ментену грабить художественные ценности на оккупированных землях Польши и Советского Союза.

— Я уже говорил, — продолжал прокурор Хабермел, — что в селе Урич мы встречались с несколькими свидетелями, которые твердо помнят и сам расстрел в конце августа 1941 года, и то, что этим расстрелом командовал подсудимый.

Случайно мы разговорились там с крестьянином Слуцким. Мы не записали в протокол наш разговор с ним... Старик, рассказывая, плакал, как ребенок. От него узнали мы, что в тот день полицаям уже с утра было известно, что после обеда будут расстреливать евреев. Он находился неподалеку от места экзекуции, когда несколько жителей Урича копали яму. Ментен приказал одной из женщин положить грудного младенца на землю и выстрелил в него, толкнул трупик в яму, а следующую пулю послал в голову женщине.

Судья Схруэдер зачитал некоторые пункты акта судебно-медицинской экспертизы, которая была проведена после вскрытия могилы на окраине села Урич.

«...Останки принадлежат ста тридцати одному человеку: девяносто двум женщинам, восемнадцати мужчинам и двадцати одному ребенку. Самые младшие жертвы — младенцы».

На амстердамском процессе в числе других свидетелей был

допрошен некий Сакс, бывший судья СС в Кракове.

Допрос Сакса подтвердил связи Ментена с верхушкой нацистской Германии. По личному распоряжению Гиммлера было приостановлено расследование по делу о разграблении Ментеном шедевров искусства. Все документы, относящиеся к этому делу, были направлены со специальным курьером СС из Кракова в Берлин. Краковские оккупационные власти на свой запрос по этому поводу получили из Берлина ответ, что они заниматься данным делом больше не должны.

Сакс заявил:

— В 1942 году Ментен был вызван на официальный разговор с обергруппенфюрером СС Крюгером и оберполицайфюрером города Львова. Эсэсовцы установили, что делец от искусства самовольно распечатал квартиру профессора Островского и забрал все ценности. Я допросил Ментена. А через некоторое время Ментен исчез. Полиция безопасности быстро нашла на его след, но мне позвонил сам рейхсфюрер Гиммлер и приказал приостановить дело против Ментена.

Сопоставляя показания Сакса с другими материалами расследования, в частности с показаниями Подгородецкого, бывшего шофера Ментена, мы можем теперь с полной уверенностью сделать вывод: Ментен выкрал из квартиры профессора Островского произведения искусства и тайно вывез их в Краков, а потом к себе в Голландию. А прочие хищники, надеявшиеся, что Ментен поделится с ними, остались, как говорится, при пиковом интересе.

Под конец амстердамского судебного процесса все чаще привлекало к себе внимание одно уже упоминавшееся нами кровавое событие — расстрел группы видных львовских ученых, совершенный набранной из состава карательного батальона «Нахтигаль» командой палачей, возглавляемой Оберлендером и заместителем командира батальона Р. Шухевичем. В ночь с 3 на 4 июля 1941 года, то есть в первую же неделю оккупации Львова гитлеровцами, на песчаных Вулецких холмах было расстреляно выше тридцати человек — ученых и членов их семей. Среди расстрелянных был известный профессор Тадеуш Островский.

Амстердамская прокуратура предъявила Питеру Ментену обвинение в ограблении квартиры профессора Островского и некоторых других ученых, расстрелянных тогда же.

Ментен грабил в таких масштабах, что это мародерство прибавило к его обвинению не так уж много; Однако на этом необходимо остановиться подробнее. Почему? Потому что Питер Ментен был в команде Оберлендера — Шенгарта, и не только похищение ценностей, принадлежавших убитому, на совести

убийцы.

Ментен вывез из квартиры профессора Островского сперва в Краков, а затем в Голландию картины Корнелиса де Воса, Синьорелли, Хонтхорста и других известных мастеров, а также фарфор и ковры. На собрания профессора Руфа — полотна Нетшера, Тенирса, Каналетто, Броувера. Из коллекции Блюменфельда — бюсты римских цезарей, исполненные с античных подлинников итальянскими скульпторами XVI века и имеющие большую художественную ценность.

Процесс над Ментеном продолжался почти девять месяцев. На одном из заседаний показания давал свидетель Ян Гарбьен, львовский знакомый Ментена еще с довоенного времени.

— Я впервые встретился с Ментеном в 1930 году... Мой отец был известным во Львове гинекологом. Госпожа Ментен была в числе пациенток моего отца. Между нашими семьями завязались приятельские отношения, и Питер Ментен время от времени навещал нас. Одевался он всегда со вкусом, с губ его не сходила улыбка.

Супруга Ментена была красивая женщина. Она очень любила драгоценности и была буквально обвешана ими.

Во Львове поговаривали, что Ментен скупает антикварные вещи и другие ценности, выгодно перепродавая их в Голландии. Он собирал произведения искусства, в частности картины старинных мастеров».

Он владел польским, но немецкий знал лучше. Родители мои говорили с ним по-немецки. Впоследствии мы переехали из Львова в Краков. Там я снова встретился с Ментеном. Помнится, жена его, обратившись как-то за медицинской помощью к отцу, поинтересовалась, как мы живем. Отец не скрыл, что беспокоится за меня, поскольку всем мужчинам в возрасте от шестнадцати до тридцати лет приказано было зарегистрироваться для отправки в Германию. Вскоре я уже работал под началом у Ментена в фирме «Ориза». Тогда я смог убедиться, что деятельность Ментена в фирме была ширмой для его работы на гитлеровцев. В то время он был еще и управляющим еврейскими антикварными лавками Кракова. До оккупации эти лавки принадлежали Штиглицу, Сканцеру, Горовичу и Шмаусу.

Среди близких знакомых Ментена были: жена генерала-губернатора Польши Бригита Франк и жена губернатора Галиции фрау Вертер. Ментен гордился этими связями.

У него было много агентов, и на каждого из них он заводил досье. Досье эти хранились у него в сейфе.

На вилле, в которой жил Ментен, часто устраивались ночные пиршества. На них приходили эсэсовцы, чиновники генерал-

губернаторства, офицеры.

За несколько дней до нападения гитлеровской Германии на СССР Ментен пришел в контору фирмы в нетрезвом состоянии. Сказал, что подыскивает управляющего именем, что поедет в Сопот и что война с большевиками начнется в июне.

Примерно через день после того, как гитлеровцы заняли Львов, Ментен явился в контору в форме офицера СС, с пистолетом в кобуре на поясе. Он имел довольный вид. Заявил о своем намерении съездить во Львов и навестить профессора Тадеуша Островского. Жена Ментена тоже говорила, что поедет вместе с мужем к профессору Островскому, поможет ему спасти ценности.

Вернулся Ментен из Львова через три недели, был усталым, лицо бледное, опухшее. В таком состоянии я его никогда еще не видел. Он велел мне спуститься в подвал и навести там порядок. В одном из помещений подвала я увидел только что привезенные ковры, картины и много других вещей.

Жена Ментена сказала мне: «Семья профессора Островского дала нам эти вещи на сохранение до лучших времен» (в это время семьи Островских уже не было в живых! — Б. А.).

Ментен часто пророчил быструю победу гитлеровцев над Советским Союзом, не скрывал, что он — нацист.

Работал я у него до 1 августа 1941 года.

Выступление этого свидетеля на суде для Ментена было подобно грому.

Показания Гарбьена и Подгородецкого подтвердили, что Ментен имел отношение к ликвидации семьи Островских. Не случайно он сразу после расстрела занял дом Островского, чтобы присвоить все находившиеся там ценности.

Сегодня, по прошествии сорока лет, нелегко установить документально, принимал ли Ментен непосредственное участие в расстреле львовских ученых, в том числе профессора Островского, но и отрицать этого нельзя. Вполне вероятно, что он навел гестаповцев на семью Островских лишь ради того, чтобы тотчас захватить имущество погибших.

В последние дни судебных заседаний выступали прокурор Хабермел, защитник Хейнинген и подсудимый Ментен. Обвинительная речь Хабермела была выслушана с большим вниманием. Прокурор сказал:

— Господин председательствующий, господа судьи! Я не буду долго задерживать ваше внимание, хотя по этому делу можно было бы сказать очень многое.

Мы более двух лет собирали доказательства по делу Питера Николааса Ментена. Собирали их по всему свету. Да, я не

оговорился, по всему свету! Вы знаете, господа судьи, что здесь, в этом зале, побывали люди из многих стран — Советского Союза, США, Польши, Федеративной Республики Германии, Германской Демократической Республики, Швеции, Израиля и многих других государств. Одни из этих свидетелей были непосредственными очевидцами расстрела многих людей в период второй мировой войны, когда фашистская Германия поработила некоторые страны Европы, когда была оккупирована и западная часть территории Советского Союза, где фашисты чинили суд и расправу над мирными гражданами.

Ценные показания дали и те, кто не были очевидцами расстрелов, но знали о них от своих близких, из их рассказов о зверствах, чинившихся фашистами.

Здесь было оглашено много документов, в том числе и из архивов государственных органов бывшей фашистской Германии.

Во время следствия была осуществлена большая работа по эксгумированию могил и по проведению различных экспертиз. В этом нам также помогали юристы многих государств — Советского Союза, Польши, ГДР и других.

Собрано большое количество доказательств, и, проанализировав их, я с чистой совестью здесь, в суде, заявляю: подсудимый Питер Ментен виновен в совершенных акциях уничтожения советских людей в карпатских селах Подгородцы и Урич, а также грабеже ценностей на оккупированных территориях СССР и Польши.

Питер Ментен творил злодеяния против человечности, и в этом я его обвиняю.

Прокурор продолжал:

— В суде было допрошено немало свидетелей, и гораздо большее их число дало показания во время следствия. Все протоколы присоединены к делу, и мы имели возможность ознакомиться с ними. Кое-кто здесь, в суде, и прежде всего подсудимый и его адвокат, делали особый упор на отдельные факты расхождений в показаниях некоторых из свидетелей, хотя по сути дела все свидетели утверждают одно и то же. Нельзя не учитывать того, что со времени события прошло тридцать шесть лет. В 1941 году многие из свидетелей были молодыми, даже подростками, а теперь они уже люди в годах. Многие детали могли быть забыты. Нельзя не учитывать также то обстоятельство, что на судебный процесс приезжали свидетели из разных стран. Но, несмотря на все это, помните, господа судьи, что виновность подсудимого полностью подтверждена показаниями всех свидетелей.

Подсудимому не избежать ответственности — столь много

доказательств его вины собрано. Поэтому я предъявляю Питеру Ментену обвинение в уничтожении в 1941 году более двухсот советских граждан.

Обвинительный акт не содержит в себе обвинения Питера Ментена в других преступлениях, хотя есть доказательства связи Ментена с палачом польского народа Шенгартом, так же как и с иными гитлеровскими преступниками.

Далее прокурор перешел к анализу доказательств виновности Питера Ментена.

Характеризуя Ментена, прокурор сказал:

— Личность подсудимого, его жизненный путь, совершенные им аферы свидетельствуют о том, что этому человеку чужды угрызения совести, он жаждал лишь одного — наживы.

Заканчивалась речь прокурора так:

— ...Я не вижу никаких смягчающих обстоятельств для подсудимого Ментена. Я требую вынесения ему обвинительного приговора и осуждения Ментена к пожизненному заключению.

Закончив обвинительную речь, прокурор Хабермел попросил разрешения для «слова от себя».

Он рассказал о впечатлении, произведенном на него мрачной картиной эксгумации в селах Подгородцы и Урич.

— Этого нельзя выразить сухими юридическими терминами. Это было ужасающее зрелище. Мы видели останки мужчин, женщин и детей, останки матерей, прижимавших к своей груди младенцев. Невообразимо, что тогда творилось! Людей выгоняли из домов, били и гнали к месту казни.

С той поры минуло более тридцати шести лет. Когда теперь я вижу и слышу, сколько актов насилия совершается в мире, я не уверен, что трагедия Подгородцев и Урича не повторится. Я считаю своим долгом делать все, чтобы подобные преступления никогда не повторились.

Адвокат Хейнинген в своей защитительной речи снова утверждал истине вопреки, что судебный процесс против Ментена инспирирован СССР и ПНР, что Питер Ментен — «жертва коммунистических гонений», что материалы, представленные прокуратурой, «сфабрикованы».

Ментен в своем последнем слове договорился до того, что отрицал наличие союзнических отношений между СССР и Голландией в годы второй мировой войны и требовал начать третью мировую войну против стран социализма.

Если у Ментена и ему подобных так коротка память, то приходится напомнить, что 14 октября 1942 года Советское правительство сделало заявление об ответственности гитлеровских захватчиков и их пособников за злодеяния, которые

они чинили в оккупированных странах Европы. Это заявление в адрес мировой общественности было сделано в ответ на ноту правительств Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Французского Национального комитета. В ноте этих европейских стран высказывалось пожелание, чтобы со стороны Советского правительства было сделано предупреждение гитлеровской Германии об ответственности за злодеяния, чинимые гитлеровцами в оккупированных ими странах. В ответе от имени Советского правительства на эту ноту говорилось, что «Советское правительство и весь советский народ относятся с чувством братской солидарности и с глубокой симпатией к страданиям и освободительной борьбе народов оккупированных гитлеровской Германией стран Европы. Бедствия, унижения и мучения, причиняемые этим народам гитлеровской тиранией, тем более понятны народам Советского Союза, что гитлеровские захватчики во временно оккупированных ими советских районах совершают в чудовищных масштабах свои злодейские преступления — массовые убийства мирных граждан, разрушение городов и сел, ограбление и разорение населения, зверские насилия над женщинами, детьми и стариками, увод в рабство сотен тысяч людей...» И далее: «Ознакомившись ныне с полученной информацией о чудовищных злодеяниях, совершенных и совершаемых гитлеровцами по приказу правительства и военных и гражданских властей Германии на территории Франции, Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, и предавая поступившую информацию от представителей этих стран широкой гласности, Советское правительство настоящим вновь заявляет во всеуслышание, со всей решительностью и настойчивостью, что преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками.

Советское правительство одобряет и разделяет выраженное в полученной им коллективной ноте законное стремление обеспечить передачу в руки правосудия и привлечение к ответственности виновных в указанных преступлениях и приведение в исполнение вынесенных приговоров...»

Газета «Де Ваархейд» характеризовала последнее слово обвиняемого Ментена как «поджигательское и реваншистское». Характеристика совершенно точная. Закоснелый фашист докатился до того, что со скамьи подсудимых обратился к

тогдашнему президенту США Картеру, призывая его «свергнуть режимы в СССР, ГДР и Польше».

Привести какие-либо доказательства в свою защиту Ментен не мог, и ему не оставалось ничего другого, как повторять то, что против него организован заговор, причем заговорщиками являются также украинские крестьяне из Подгородцев и Урича.

Многие западноевропейские газеты констатировали, что прокурор Хабермел изобличил Ментена, предъявив конкретные и убедительные доказательства, а защитник и подсудимый и на этот раз занимались пустословием, лгали и подстраивались к ходкой сейчас теме «прав человека».

Мета Ментен во спасение своего супруга, запугивая и шантажируя, так сказать, «на предъявителя», не преминула объявить незадолго до вынесения приговора, что, мол, пусть только попробуют упечь ее мужа, она расскажет «всю правду» и тогда «один арест посыплется за другим».

В дни амстердамского процесса Питер Ментен официально развелся со своей женой Метой. Супруги поспешили оформить этот фиктивный развод, чтобы подстраховаться на случай, если — чего не бывает — будет поднят вопрос о конфискации нажитого на чужой беде капитала Питера.

Перед вынесением приговора — и в Амстердаме, и за границами Голландии — прошел слух, что Ментен будет оправдан. Сам этот слух отнюдь не был новым и распространялся сторонниками Ментена. Подсудимый в день вынесения приговора явился в суд с видом победителя.

Когда судья Схруэдер начал читать приговор, где некоторые из пунктов обвинения были отведены за недостаточностью собранных доказательств, Ментен удовлетворенно кивал головой, как бы желая показать, что ничего иного по любому пункту он и не ждал. Однако, когда судья дошел до той части приговора, где шла речь о событиях в селе Подгородцы, и медленно и раздельно прочел, что виновность Ментена в руководстве массовым расстрелом советских граждан полностью доказана, убийца, потеряв напускное самообладание, задрожал и опустил голову — не от того, что понял весь ужас содеянного им, но лишь от мысли, что все же не удалось уйти от возмездия.

А когда судья дочитал приговор, Ментен снова приосанился и смотрел с прежней злобной наглостью:

— Нет, это не конец моей борьбы с правосудием, не таков я, Питер Ментен!

14 декабря 1977 года особая палата Амстердамского окружного суда вынесла обвинительный приговор. Ментен был признан виновным в преступлениях против человечности. За

массовые расстрелы в селе Подгородцы Сколевского района Львовской области в июле 1941 года военный преступник был осужден к пятнадцати годам лишения свободы.

Приговор, составленный со всей тщательностью, занял почти семьдесят печатных страниц. Он был безукоризненно аргументирован, ни малейшего сомнения в доказательствах вины Питера Ментена не оставалось.

Суд посчитал, что доказательств вины Ментена (три свидетеля — очевидца расстрела советских людей на окраине села Урич) недостаточно, хотя в описательной части приговора суд не отрицал его участия в этом расстреле.

17 декабря 1977 года голландская газета «Де Ваархейд» в статье «Реакция заграничной прессы в связи с осуждением Ментена» писала: «Осуждение военного преступника к лишению свободы сроком на пятнадцать лет вызвало большой резонанс за границей. Помимо израильской прессы, это событие осветили советская, польская и американская пресса.

Большого внимания заслуживает тот факт, что Ментен осужден Особой палатой окружного суда более чем через три десятилетия после второй мировой войны; это еще раз подчеркивает, что на преступления, совершенные Ментеном, не распространяется срок давности».

Газета ПНР «Курьер польски» писала, что осуждение Ментена дает «основание для большого удовлетворения». И далее говорилось, что осуждение Ментена поднимает вопрос о преследовании других военных преступников. В статье обращалось внимание на тот факт, что Ментен имел возможность долгие годы пребывать на свободе. И это в то время, когда общепризнанным считается положение, что ни один военный преступник не должен избежать наказания.

Одна из американских газет посвятила передовую статью осуждению Ментена, в которой одобряла решение амстердамского суда.

Дело Ментена привлекло внимание прессы даже такой географически далекой от Нидерландов страны, как Северная Корея. Газета «Пьонгянг таймс», которая еще до вынесения приговора с удовлетворением отмечала, что благодаря требованию голландской и мировой общественности Ментен предстал перед судом, подчеркнула, что осуждение таких преступников, как Ментен, — важный фактор в борьбе за мир.

Все агентства печати и газеты мира, кроме реакционных, сообщили о приговоре над Ментеном и одобрительно отозвались о таком финале судебного рассмотрения дела.

Генеральный прокурор Союза ССР Роман Андреевич Руденко

в интервью корреспонденту АПН заявил тогда:

«В течение почти двух лет компетентные советские органы оказывали голландским органам юстиции правовую помощь в разоблачении военного преступника Питера Ментена. В ходе совместной работы и допроса свидетелей были собраны неопровержимые доказательства участия Ментена в годы второй мировой войны в расстрелах мирных граждан Львовской области.

Все это позволило окружному суду Амстердама признать Ментена виновным в совершении преступлений и приговорить его к лишению свободы сроком на пятнадцать лет».

Странные решения

Прошло некоторое время, и вдруг из Голландии пришло известие: кассационный суд Нидерландов 29 мая 1978 года вынес решение о пересмотре дела нацистского преступника Питера Ментена, осужденного в декабре 1977 года на пятнадцать лет тюремного заключения.

31 мая 1978 года газета «Известия» в связи с этим писала: «... верно, и на этот раз кое-кто пытается взять под защиту нацистского преступника и смягчить вынесенный ему приговор».

Для чего понадобилось пересматривать обоснованный и по существу справедливый приговор Амстердамского суда? Советские люди, в том числе и мы, юристы, были чрезвычайно удивлены таким решением кассационного суда Нидерландов. Мы не собираемся вмешиваться во внутренние дела Голландии, однако не можем не выразить мнения, что решение это было явно необоснованным. Не нам оставаться равнодушными к этому решению: ведь Питер Ментен совершал преступления на советской территории, уничтожил несколько сот советских людей. На наш взгляд, такое решение могли вынести лишь судьи, утратившие чувство ответственности перед человечеством, презревшие обязательства государств антифашистского блока о привлечении к ответственности нацистских преступников.

«...Подобное решение Верховного суда Нидерландов, — писал один из польских корреспондентов, — вызвало, с одной стороны, возмущение прогрессивной общественности, а с другой — одобрение реакционных и неофашистских кругов, которые любой ценой стараются навязать общественности мысль, что Ментен якобы «невинная жертва сговора СССР и ПНР».

Кассационный суд принял во внимание заявление адвоката о том, что Ментен был раньше судим за сотрудничество с гитлеровцами и не может быть судим вторично за то же преступление. Такой довод несостоятелен с точки зрения нидерландских законов, и окружной суд Амстердама специально указал на это в приговоре: «Суд пришел к выводу, что предъявленные теперь Ментену обвинения не совпадают с теми, за которые подсудимый понес наказание в 1949 году».

Яснее не скажешь. В 1949 году Ментену было предъявлено обвинение в том, что он во время второй мировой войны совершил преступления, предусмотренные статьей 101 уголовного кодекса Нидерландов и статьей 24 особой части этого кодекса, то есть обвинение в сотрудничестве с врагом и в грабеже имущества у мирного населения на оккупированных территориях

с использованием при этом власти, данной ему оккупантами.

Других обвинений Ментену тогда предъявлено не было.

А в 1977 году окружной суд вынес приговор на основании статьи 27-а особой части уголовного кодекса Нидерландов, предусматривающей наказание за совершение военного преступления против человечности, в частности за непосредственное участие в массовых акциях по уничтожению людей.

В 1949 году Питеру Ментену не предъявлялись обвинения в уничтожении людей на территории Советского Союза, поскольку об этих преступлениях еще не было известно. Поэтому странным являлось утверждение кассационного суда Нидерландов о том, что Ментен уже в 1949 году был осужден за те же преступления.

Во Львовскую областную прокуратуру поступали письма от жителей многих сел и городов страны, в том числе и из сел Подгородцы и Урич, в которых высказывалось возмущение по поводу решения высшей судебной инстанции Нидерландов.

После отмены приговора дело Питера Ментена было направлено для повторного рассмотрения по существу в Гаагский окружной суд. У нас была надежда, что и в Гааге преступник будет осужден, но вдруг поступило сообщение: Гаагский суд оправдал Ментена.

Мета Ментен уже накануне вынесения оправдательного приговора знала, что Питер должен быть освобожден из тюрьмы. Она поднялась в тот день рано, велела дворецкому присмотреть, чтобы все на вилле было готово к приему хозяина. Но на всякий случай приказала уложить чемоданы и отнести их в автомобиль.

Покуда все это делалось, она стояла у окна, глядя в сад. По дорожке прошел садовник. В дальней аллее, уходящей во мглу, тенью промелькнула фигура детектива, уже переставшая пугать своим неожиданным появлением. «Надо будет, пожалуй, взять еще одного: если не поедет в Ирландию, а останемся с Питером дома, от коммунистов и ветеранов войны можно ожидать всяких неприятностей».

Когда в автомобиль все было уложено, она сама села за руль и повела машину в Гаагу.

Последнее время Ментен сказывался больным и был помещен в тюремную больницу. Перед тем как «мерседес» с четотоу Ментенов тронулся с места, на кратком семейном совете было решено:

— Ни за границу, ни домой — на несколько дней в какую-нибудь частную лечебницу, чтобы все знали: болен.

Не успели отъехать, как объявились запоздавшие фоторепортеры, со всех сторон ослепили вспышки. Питер успел

закрыться шляпой. Мотор заработал, машина, набрав скорость, вырвалась из переулка.

— Стало быть, в лечебницу?

— Да. Хейнинген не советует выезжать из Голландии, еще сочтут бегством. И, кроме того, я хочу насолить кое-кому, пусть знают, кто такой Питер Ментен! Еще раз за решетку не упрячут!

И тут, разгоряченный предвкушением мести всем и «кое-кому», Питер крикнул:

— Нет! Сегодня лечебницу к черту! Шампанского дома достаточно?

И «мерседес», круто повернув, ринулся по автомагистрали на Амстердам...

В ту ночь вилла Ментенов сияла всеми окнами. Гости, свои люди, были созданы мгновенно. Шампанское лилось рекой. Шумно праздновалась победа над попраным законом.

Ментен освобожден и оправдан?!

Дело в том, что мотивом оправдания Ментена в суде Гааги было якобы обещание бывшего министра юстиции Голландии не привлекать больше Ментена к уголовной ответственности.

Газета голландских коммунистов «Де Ваархейд» 11 декабря 1978 года писала: «В будущую субботу в Гааге состоится манифестация против оправдания судом Ментена. Манифестация организована рабочей группой «Справедливость и гласность в деле Ментена» и нашла поддержку всех организаций бывших участников Сопротивления и жертв войны». Эта манифестация в Гааге состоялась.

Решением Гаагского суда были возмущены комитеты узников Дахау и Заксенхаузена, комитеты участников Сопротивления и бывших политических узников, комитет женщин Ревенсбрюка, «группа 1940–1945 гг. Северной и Южной провинций Голландии». В принятом ими заявлении говорилось: «События вокруг процесса Ментена шокировали большую часть населения Голландии и, в частности, всех тех, кто пострадал от фашизма».

Авторы петиций потребовали от голландских судебных властей отменить решение Гаагского суда по делу Ментена.

Представитель Компартии Нидерландов в парламенте И. Вольф сделал запрос правительству о деле Ментена. Он, в частности, заявил о возможных последствиях, которые освобождение Ментена из-под стражи могут оказать на международные отношения Нидерландов со многими странами Европы.

Управление города Финстервальда приняло единодушное решение, в котором был выражен протест против освобождения Ментена из-под стражи, и обратилось к правительству Голландии

с требованием немедленно вновь арестовать Ментена. Союз женщин-евреек в Нидерландах направил министру юстиции телеграмму с возмущением по поводу освобождения Ментена из тюрьмы и требовал возобновления дела.

Прокурор Хабермел, руководивший расследованием дела в Голландии и предъявивший Ментену обвинение, назвал решение особой палаты Гаагского суда шокирующим человечество.

Ханс Кнооп — журналист, приезжавший к нам в Советский Союз в конце 1977 года, когда производилась эксгумация трупов в селе Подгородцы, и издавший в Голландии книгу «Дело Ментена», писал: «Освобождение Ментена Гаагским судом — это черная страница голландского правосудия. Решение Гаагского суда ни в коем случае не сделает чести Нидерландам за рубежом...»

Профессор Пелиховский — крупный польский юрист, возглавлявший комиссию по расследованию нацистских преступлений на территории Польши, заявил, что он возмущен и шокирован известием об освобождении Ментена от наказания.

Известный голландский профессор-юрист Шиффер, удивленный решением Гаагского суда, сказал: «Я никогда не думал, что Ментен выйдет из тюрьмы».

В самой Голландии поток требований о предании Ментена суду нарастал. Газета «Де Ваархейд» поместила под рубрикой «Мое мнение» высказывания многих голландских граждан по поводу оправдания Ментена.

Ван Веен де Гедер:

«Я опечалена, что Ментен, человек, у которого на совести так много жертв, опять на свободе... Это противоречит всякому чувству справедливости».

М. Ремакерс:

«Понедельник 4 декабря 1978 года навсегда останется черным днем нидерландского правосудия. Над делом Ментена упал занавес. Гаагский суд неслыханным образом спекулирует чувством справедливости нидерландцев. Ментен с помощью своих денег и сверхнаглости сумел со времени войны и по сей день топтать правосудие. Он сумел манипулировать десятками высокопоставленных чиновников и таким образом он сейчас опять на свободе. Вера в справедливое правосудие подвергается серьезному испытанию».

В. Д. Лорейн:

«Исходя из того, что Питер Ментен на свободе, я прихожу к выводу, что деньги все-таки играют большую роль».

Крестьяне сел Подгородцы, Сопот и Урич на Львовщине, как только им стало известно об освобождении Ментена, собрались

вместе и провели митинг протеста, на котором приняли такое обращение к правительству Нидерландов:

«Мы, жители сел Подгородцы, Урич и Сопот, с возмущением и гневом восприняли сообщение о том, что нацистский преступник П. Ментен решением особой палаты Гаагского суда выпущен на свободу, и заявляем о глубоком возмущении деятельностью органов юстиции Голландии. Мы считаем, что акт освобождения П. Ментена, убийцы и палача, является надругательством над волей народов. Это прямое издевательство над справедливостью, человечностью, над памятью миллионов людей, погибших от рук палачей-фашистов. Не может быть прощения палачу, зверю, детоубийце, который с дикой улыбкой убивал ни в чем невиновных наших односельчан и среди них маленьких детей, женщин, стариков. Награбленные Ментеном миллионы, за которые теперь стараются оправдать преступника буржуазные служители «правосудия», густо политы человеческой кровью и слезами. Это человеческое горе, а не деньги...

Мы, жители сел Подгородцы, Сопот и Урич, собравшись на митинг-протест, обращаемся к правительству Нидерландов, органам юстиции с требованием отменить несправедливое решение Гаагского суда об освобождении Питера Ментена и привлечь преступника к ответственности за совершенные им на нашей земле преступления. Военный преступник П. Ментен должен понести справедливое наказание за совершенные им преступления!»

На Львовщине прошло много митингов и собраний: сурового наказания требовали рабочие, колхозники, лесорубы, студенты и преподаватели Львовского государственного университета, юристы.

Возмущение по поводу оправдательного приговора Ментену возрастало с каждым днем.

Почему такое решение голландских судей возмутило общественность нашей страны и других стран? Ответ на этот вопрос можно найти в словах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева на торжественном собрании в Москве, посвященном 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Тогда он сказал:

«Победа далась нашему народу нелегко. Столь жестокой войны, которую перенес Советский Союз, не выпадало на долю ни одному народу. Война унесла более двадцати миллионов жизней советских людей. Она оставила десятки миллионов сирот, вдов, инвалидов. Какая бездна человеческих страданий и горя стоит за этими цифрами! У нас редко можно встретить семью, в которой

бы война не оставила свой трагический след. Гибель советских людей — наша самая тяжелая утрата. И мы никогда не забудем ни одной капли крови, пролитой советскими людьми за нашу Родину, ее свободу и счастье.

Нельзя без гнева и боли вспоминать о зверствах гитлеровцев на нашей земле, на территории других стран. Времена фашистской оккупации были трагедией для целых народов. Можно ли забыть о чудовищных преступлениях гитлеризма, совершенных в Советском Союзе, Польше, Югославии, Чехословакии и других странах Европы, о кострах из живых людей, о душегубках, о лагерях смерти? Можно ли забыть о миллионах мужчин, женщин, стариков и детей, сожженных в крематориях Освенцима, удушенных в газовых камерах Майданека, замученных на плацах Маутхаузена? Набат Бухенвальда и ныне звучит в сердцах людей, будит в них ненависть к фашизму и расизму, требует наказания тех, кто виновен в преступлениях против человечества».

Западные журналисты подсчитали, что только около десяти процентов военных преступников гитлеровской Германии привлечены к уголовной ответственности. Добавим, что этот процент занижен, поскольку многие преступники оправданы под разными предлогами или получили символическое наказание. По некоторым из этих дел судебное разбирательство тянется годами.

На территории Львовской области в период оккупации гитлеровцами были организованы десятки лагерей смерти. Из них наиболее крупный — Яновский, где было уничтожено свыше 200 тысяч человек. Об этом лагере много говорилось в 1946 году в Нюрнберге на судебном процессе над главными военными преступниками. Это был особый лагерь, куда свозились многие военнопленные разных национальностей, где содержались многие антифашисты.

Всего на Львовщине гитлеровцами было уничтожено свыше 700 тысяч человек.

В лагерях массами уничтожались те, кто не хотел мириться с фашизмом и кого фашисты ненавидели. Очевидцы рассказывали, что 20 апреля 1942 года в день рождения главного палача фашистской Германии Адольфа Гитлера, когда ему исполнилось 54 года, комендант лагеря оберштурмфюрер Густав Вильгауз отобрал 54 человека, содержащихся в лагере, и собственноручно их расстрелял. Гитлер наградил этого убийцу высшим орденом фашистской Германии. Теперь Вильгауз где-то притаился.

В ноябре 1942 года фашисты привезли в Яновский лагерь около 60 французских военнопленных и ночью их расстреляли. В том же лагере были расстреляны многие военнопленные —

голландцы, англичане, американцы и другие.

Нет, не может быть пощады убийце Питеру Ментену! Многие люди в нашей стране задавали вопрос, как могло случиться, что военный преступник, убийца сотен людей не наказан? Действительно, в сознании советских людей, как и в сознании честных людей других стран, не укладывалось подобное решение суда в Гааге.

Новое судебное разбирательство

С протестами против оправдательного приговора Ментену выступили многие прогрессивные организации Голландии, был проведен ряд митингов и демонстраций. В итоге приговор был опротестован прокуратурой и отменен Верховным судом Голландии. Дело было направлено в Роттердамский окружной суд. Долгое время дело не рассматривалось. В конце концов мы получили сообщение о начале судебного разбирательства с просьбой снова командировать свидетелей в Гаагу. Затем наступило затишье, и вдруг 24 сентября 1979 года особая палата Роттердамского окружного суда решает прекратить преследование против Питера Ментена, так как Ментен якобы, «очевидно, невменяемый». Новая волна возмущений прокатилась по Голландии, и снова прокуратура опротестовала определение суда.

Наступило лето 1980 года, шел четвертый год судебного разбирательства дела Ментена в судах Голландии. Верховный суд отменил определение Роттердамского суда.

Очередное судебное заседание окружного Роттердамского суда проходило в небольшом зале. Публика заняла места. В зале много корреспондентов газет. На своих местах Питер Ментен и его новый адвокат де Лиagre Бел.

В один из дней судебного рассмотрения дела в Амстердаме Ментен поднялся и заявил, что он не был в Подгородцах в 1941 году, а в то время, когда совершались массовые казни советских людей, там был его брат — Дирк Ментен. В связи с этим суд вызвал и заслушал показания свидетеля Дирка Ментена. Следует сказать, что жители Подгородцев хорошо знали обоих братьев, так как Дирк часто навещал Питера в его поместье.

Когда начал давать показания Дирк Ментен, в зале наступила исключительная тишина. Он так характеризовал своего брата: «Поведение Питера не всегда нравилось матери и мне. Большинство людей не понимают моего брата. Для него не существует «твое» и «мое». Для него существует только «мое». Дирк также заявил, что его и близко не было возле Подгородцев. Были опрошены советские свидетели, и они подтвердили ранее данные ими показания, что расстрелом в Подгородцах руководил именно Питер Ментен.

9 июля 1980 года Роттердамский окружной суд вынес обвинительный приговор П. Ментену.

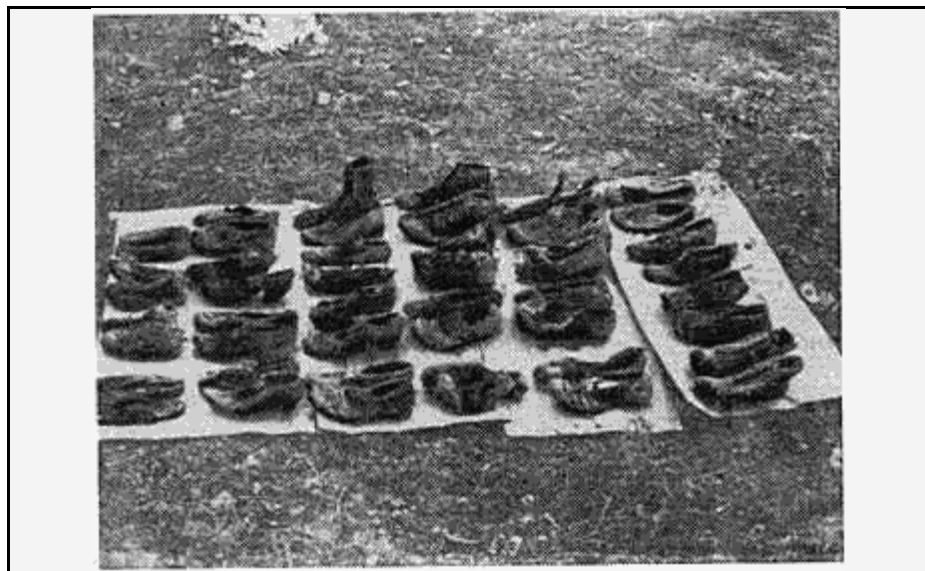
В приговоре суда указано, что суд отклоняет кассацию на повторное проведение следствия и считает доказанным

обвинение, предъявленное Ментену, считает также доказанными преступные деяния, совершенные обвиняемым, и приговаривает его к лишению свободы сроком на десять лет и к денежному штрафу в размере 100 тысяч гульденов. При отказе от уплаты указанной суммы штраф должен быть заменен лишением свободы сроком на шесть месяцев.

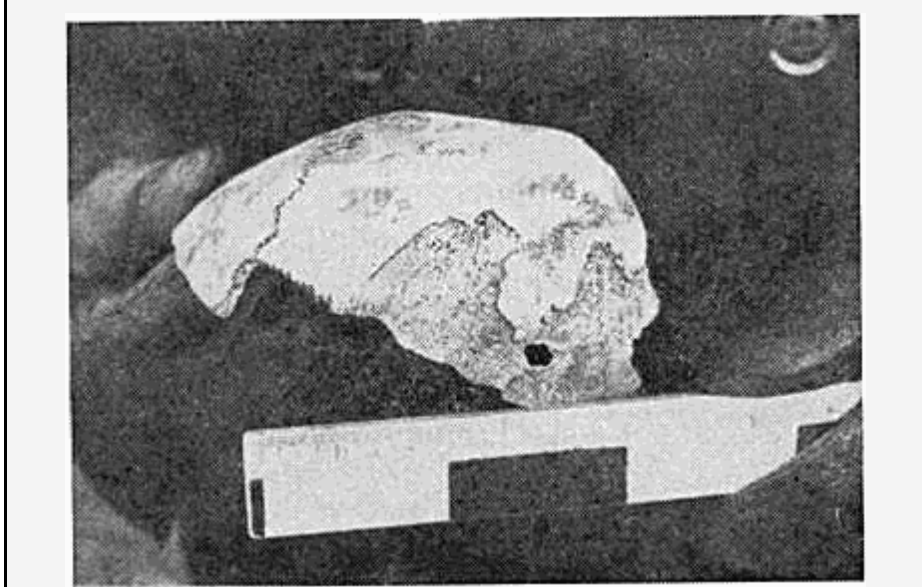
В январе 1981 года Верховный суд Голландии подтвердил приговор нацистскому военному преступнику П. Ментену. Итак, под давлением протестов комитетов бывших узников лагерей смерти, участников движения Сопротивления, демократических организаций различных стран в конце концов суды Голландии вынесли обвинительный приговор военному преступнику Питеру Ментену.

Ментен осужден, но нельзя забывать, что еще очень много военных преступников находятся на свободе и не понесли наказания.

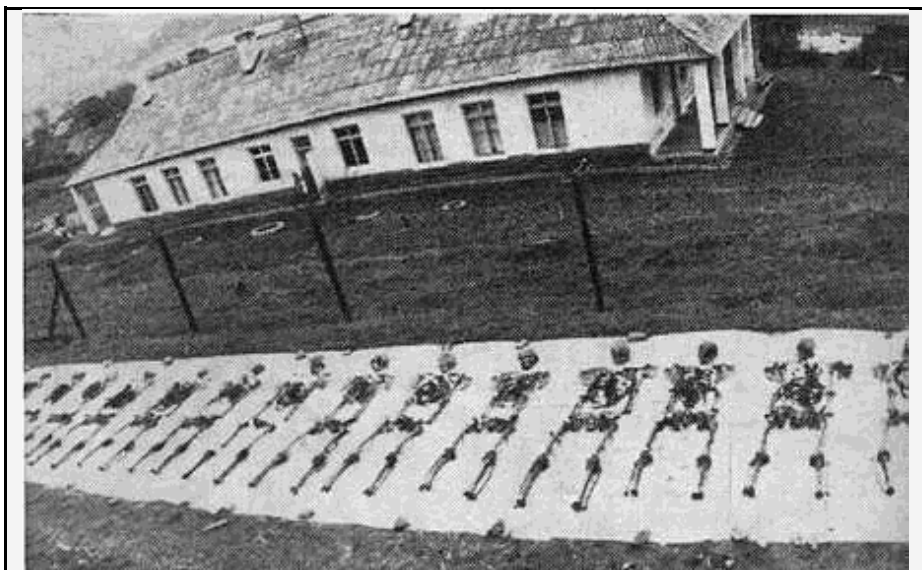
Память миллионов погибших, замученных в лагерях требует законного возмездия тем, кто совершал массовые казни ни в чем неповинных людей.

*Обувь (в том числе и детская), извлеченная из могилы
при эксгумации в селе Подгородцы.*

Череп со следами пулевых отверстий, обнаруженный при эксгумации в селе Подгородцы

Останки жертв, извлеченные при эксгумации в селе

... Мы поднялись на высокий берег, где стоял полуразрушенный дом — следы усадьбы Пистенера. Это страшное место, именно здесь, около пистенеровского дома, отряд палачей-фашистов учинил чудовищную расправу над мирными людьми.

По данным следствия нам уже было известно, что двумя «акциями», 7 июля и 28 августа 1941 года, под непосредственным командованием Питера Николааса Ментена были расстреляны многие жители села Подгородцы.